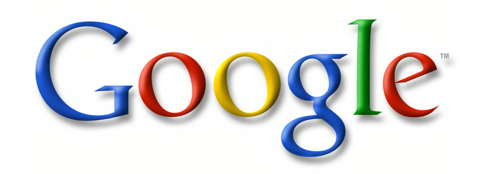
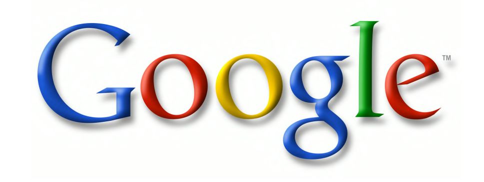

ИГОРЬ КНЯЗЬ СѢВЕРСКІЙ

ИГОРЬ КНЯЗЬ СѢВЕРСКІЙ

СЛОВО О ПЛЪКУ ІГОРЕВѢ

ПОЭМА ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ПѢСНЯХЪ

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО

НИКОЛАЙ ГЕРБЕЛЬ

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1876

1*

(170)

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 л. 7.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Слово о полку Игоря» — безъ сомнѣнія, есть самое замѣчательное и притомъ едва ли не самое поэтическое произведеніе нашей древней поэзіи. Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древне-русской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которыя съ перваго взгляда обличаютъ въ сочинителѣ необыкновеннаго художника. Эти чудные, родные звуки, дошедшіе къ намъ изъ глубины двѣнадцатаго столѣтія, изъ тёмныхъ времёнъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, передаютъ намъ въ безыскуственныхъ, поэтическихъ и часто величественныхъ образахъ одинъ печальный эпизодъ смутнаго періода, отмѣченнаго въ лѣтописяхъ всего однимъ краткимъ перечнемъ нескончаемыхъ битвъ. Этотъ печальный эпизодъ—походъ сѣверскаго князя Игоря, въ 1185 году, на половцевъ, окончившійся страшнымъ погромомъ: истребленіемъ всего русскаго войска и плѣненіемъ самого князя, брата его, буй-туръ Всеволода и его сына, Владиміра Игоревича.

Но кто такой былъ этотъ таинственный пѣвецъ этого злополучнаго похода? Увы! лѣтописи молчатъ о томъ. Правда, существуетъ предположеніе, что пѣвецъ «Слова» есть *премудрый книжникъ* Тимофей, уроженецъ города Кіева, о которомъ упоминается въ «Ипатьевской Лѣтописи» подъ 1211 годомъ, но это только одно предположеніе. Вся біографія пѣвца Игоря — въ его пѣснѣ; а пѣснь свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ былъ мірянинъ и современникъ похода Игоря. Уже одно тѡ обстоятельство, что сочинитель «Слова» избралъ предметомъ для своей эпопеи такое неважное и даже не блестящее происшествіе, тогда-какъ походъ Святослава на половцевъ, предпринятый за годъ до Игоря и увѣнчавшійся такимъ блестящимъ успѣхомъ, былъ у него ещё въ свѣжей памяти, показываетъ ясно, что «Слово о полку Игоря» написано не только современникомъ, но даже лицомъ, участвовавшимъ въ походѣ. Уже по одной этой причинѣ, не говоря о филологическомъ и археологическомъ значеніи «Слова», оно, по самому содержанію своему, какъ единственная, дошедшая до насъ, картина изъ періода междоусобій, важна для историка и интересна для всякаго, кто любитъ переноситься мыслію въ первыя времена нашей исторіи. «Слово» не только разсказываетъ намъ во всей подробности одно изъ характеристическихъ и часто повторявшихся происшествій того времени, отмѣченное въ лѣтописи двумя строками, но передаётъ намъ мысли и чувства нашихъ предковъ, ихъ воззрѣнія на своихъ князей, на княжескія усобицы, ихъ глубокое сознаніе единства Русской Земли, единства русскаго племени, ихъ отвращеніе къ дикимъ порожденіямъ азіятскихъ степей,

ихъ любовь къ отчизнѣ и ея защитникамъ, ихъ привязанность къ своимъ роднымъ полямъ, лѣсамъ и сёламъ, къ тихимъ наслажденіямъ семейной жизни, ихъ уваженіе къ горести слабой женщины и восторженное удивленіе къ героямъ.

Можно сказать утвердительно, что ни одно произведеніе древней русской поэзіи, сбережонное временемъ, не возбуждало такого постояннаго вниманія нашихъ учоныхъ и не подало повода къ такому множеству противорѣчивыхъ сужденій, какъ «Слово о полку Игоря». Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ (причёмъ первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту Карамзинымъ въ октябрьской книжкѣ гамбургскаго журнала «Spectateur du Nord», за 1797 годъ) и издано имъ въ Москвѣ, «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ филологовъ и критиковъ. Плодами ихъ изысканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній, съ другой — множество статей критическаго и полемическаго содержанія. Что касается переводовъ «Слова о полку Игоря», то, со включеніемъ перваго, которымъ мы обязаны графу Мусину-Пушкину, у насъ, по настоящее время, вышло въ свѣтъ двадцать-пять отдѣльныхъ изданій (изъ нихъ двѣнадцать прозаическихъ и тринадцать стихотворныхъ), надъ которыми трудилось двадцать-пять учоныхъ и литераторовъ.

Вотъ любопытный списокъ всѣхъ этихъ двадцати-пяти переводовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, въ настоящее время, сдѣлались библіографической рѣдкостью.

ПРОЗАИЧЕСКІЕ.

1) Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800. (Изданіе графа Мусина-Пушкина, въ которомъ принимали участіе А. Ѳ. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій.)

2) Слово о походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова. Переводъ А. Шишкова. Спб. 1805. («Сочиненія и Переводы, издаваемые Россійскою Академіею», ч. I.)

Тоже. *Изданіе второе* («Собраніе сочиненій адмирала Шишкова», 1826, т. VII.)

3) Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб. 1819.

4) Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою и съ оной переложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Москва. 1823. (Переводъ Николая Грамматина.)

5) Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка Александромъ Вельтманомъ. Москва. 1833.

Тоже. *Изданіе второе*. Москва. 1867.

6) Пѣснь о полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII вѣка на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній русскій языкъ профессоромъ русской словесности Михаиломъ Максимовичемъ, для своихъ слушателей. Кіевъ. 1837.

7) Слово о пълку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени, объяснённое по древнимъ письменнымъ памятникамъ магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ. Москва. 1844. («Русскія Достопамятности», ч. III.)

8) Пѣснь о походѣ Игоря Святославича. Переводъ А. Иванова. («Новая Библіотека для Воспитанья», 1847, ч. V.)

9) Слово о полку Игоревомъ, Игоря Святославича, внука Ольгова, съ переводомъ въ прозѣ и примѣчаніями. С. П. Кораблёва. Москва. 1856.

10) Слово о полку Игоревѣ, по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. Адъюнкта П. Пекарскаго. Спб. 1864. (Приложеніе къ пятому тому «Записокъ Императорской Академіи Наукъ», № 2.)

11) Слово объ Игоревомъ походѣ, Игоря сына Святославова, внука Ольгова. Спб. 1867. (Имени переводчика не означено) [1].

---

[1]) Названный переводъ представляетъ явленіе до крайности печальное, такъ-какъ при его чтеніи не знаешь чему удивляться болѣе: невѣжеству ли неизвѣстнаго переводчика или его крайней беззастѣнчивости. Переводъ сдѣланъ въ тонѣ покойнаго «Весельчака». Встрѣчаются подобныя выраженія: «Игорь пересѣлъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло изъ *дохлятины*», или—«*скверная* рѣчонка, *нажравшись* чужихъ ручьевъ» и тому подобныя. Въ крошечномъ предисловіи есть слѣдующая фраза: «И безъ того искажонное временемъ «Слово о полку Игоревѣ» сильно потерпѣло въ новомъ спискѣ, потому-что владѣлецъ рукописи (графъ Мусинъ-Пушкинъ) *по духу своего времени глядѣлъ на ея содержаніе лакейскими глазами и прочелъ ее сообразно та-*

12) Слово о полку Игоревѣ. Переводъ съ славянской древней пѣсни А. Погосскаго. Спб. 1867. («Досугъ и Дѣло», 1867, выпускъ V.)

Тоже. *Изданіе второе.* Спб. 1868. («Семейные Вечера», 1868, № 3.)

СТИХОТВОРНЫЕ.

13) Походъ Игоря противу Половцевъ. Спб. 1803. (Переводъ Сѣрякова.)

14) Игорь, героическая пѣснь. Съ древней славенской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, переложилъ стихами Александръ Палицынъ. Харьковъ. 1807.

15) Игорь Святославичъ, ироическая пѣснь. Сокращена [2]) для «Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» Н. Язвицкимъ. Спб. 1812. («Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова», ч. VI.)

16) Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи, нынѣ

кому взгляду». Что могло подать поводъ неизвѣстному переводчику сдѣлать этотъ грязный намекъ на честную память человѣка, которому русская литература обязана открытіемъ «Слова о полку Игоревѣ» — это рѣшительно непонятно. А вотъ и одно изъ объяснительныхъ примѣчаній переводчика, которое мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь, какъ образчикъ обширности его міросозерцанія и глубины научныхъ свѣдѣній: «не безызвѣстно многимъ, что лебедь поетъ только одинъ разъ, а именно — передъ смертью». Вотъ объ этомъ примѣчаніи дѣйствительно можно сказать, что отъ него вѣетъ передней.

[2]) «Пѣснь сія переложена уже вся... Здѣсь же, какъ изъ заглавія видно, напечатано одно только сокращеніе сей пѣсни, читанное въ «Бесѣдѣ»; вся же пѣснь съ замѣчаніями напечатана будетъ послѣ, если сіе сокращеніе благосклонно будетъ принято.» *Примѣчаніе Язвитскаго.*

переложенная въ стихи старинной русской мѣры Иваномъ Левитскимъ. Спб. 1813.

17) Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, и съ онаго переведённая на употребляемое нынѣ велико-россійское нарѣчіе стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. Спб. 1821. (Переводъ Николая Грамматина.)

Тоже. *Изданіе второе.* Москва. 1823.

18) Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Де-ла-Рю. Одесса. 1839.

19) Слово о полку Игоря. Перевелъ Д. Минаевъ. Спб. 1846.

20) Слово о пълку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея. Москва. 1850. («Москвитянинъ», 1850, № 22.)

Тоже. *Изданіе второе.* Спб. 1856.

Тоже. *Изданіе третье.* («Сочиненія Л. А. Мея», 1862, томъ II.)

21) Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Спб. 1854.

Тоже. *Изданіе второе.* Спб. 1855.

Тоже. *Изданіе третье.* («Отголоски», 1858, т. II.)

Тоже. *Изданіе четвертое.* («Поэзія Славянъ», 1871.)

22) Пѣснь о полку Игоревѣ, переведённая на украинское нарѣчіе Михаиломъ Максимовичемъ. Кіевъ. 1857.

23) Слово о полку Игоревѣ. Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Н. Майкова. Спб. 1870. («Заря», 1870, № 1, отд. I, стр. 81—146.)

Тоже. *Изданіе второе.* («Стихотворенія А. Н. Майкова», 1872, т. III.)

24) Слово о полку Игоревѣ. Переводъ Н. Бицына. Москва. 1874. («Русскій Вѣстникъ», 1874, т. CIX, № 2, отд. I, стр. 761—801.)

25) Слово о полкови Игоревому. Переспивъ зъ старосвитской грамоти XII ще сталиття. Переклавъ В. А. Кендзерскій. Кременчугъ. 1875.

А вотъ и образчики каждаго изъ поименованныхъ мною переводовъ. Эти отрывки могутъ дать нѣкоторое понятіе о манерѣ и складѣ рѣчи, которыхъ придерживались гг. переводчики въ своихъ прозаическихъ и стихотворныхъ переложеніяхъ «Слова».

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗВѢСТНАГО [3]).

Коль прилично намъ, братцы, представить древнимъ слогомъ жалостную повѣсть о сраженіи Игоря Святославича? Мы составимъ оную изъ самыхъ дѣяній тогдашняго времени, не употребляя вымысловъ Бояновыхъ. Ибо Боянъ-стихотворецъ когда хотѣлъ воспѣть кому похвалу, то мысль его летала тогда по древамъ, онъ бѣгалъ, какъ сѣрый волкъ, по земли и поднимался, яко орѣлъ, подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ МУСИНА-ПУШКИНА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! Начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то носился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

---

[3]) По списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II.

ПЕРЕВОДЪ СѢРЯКОВА.

Коль пріятно слогомъ древности
Повѣсть намъ начать прискорбную
О походѣ князя Игоря!
Пѣснь начать же гласомъ истины
По былинамъ того времени,
А не вымысломъ Бояновымъ;
Онъ кого хотѣлъ прославити,
По древамъ носился мыслію,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
Въ облакахъ сизымъ орломъ летѣлъ.

ПЕРЕВОДЪ ШИШКОВА.

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудные повѣствовалися подвиги. Начнёмъ пѣснь сію по бытіямъ того времени, а не по замысламъ Бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчивый кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслію по древамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ ПАЛИЦЫНА.

Любовь къ отечеству зовётъ, о россы, насъ,
Воспѣть брань Игоря на древній предковъ гласъ,
Какимъ ихъ подвиги вѣщались знамениты:
Да будутъ бытія и нашихъ лѣтъ открыты.
Но не дерзнёмъ витійствъ Бояновыхъ искать:
Когда Боянъ кого стремился воспѣвать,
Онъ мыслью по древамъ въ восторгѣ растекался,
То сизымъ онъ орломъ подъ облаки взвивался,
То сѣрымъ волкомъ онъ носился по полямъ.

ПЕРЕВОДЪ ЯЗВИЦКАГО.

Что пристойнѣй слогомъ древности
Повѣсть разсказать печальную
О полку — походѣ Игоря?

Кой воспѣть князей когда хотѣлъ,
По древамъ носился мыслями,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
По поднебесью орломъ парилъ.

ПЕРЕВОДЪ ЛЕВИТСКАГО.

Намъ пріятно, братцы, пѣснь воспѣть
Древнимъ слогомъ — слогомъ жалобнымъ
О походѣ славна Игоря,
Не весёлую — печальную!
Мы начнемъ её, какъ слышали,
По былинамъ того времени,
Не по замысламъ Бояновымъ.
Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ
Прославлять когда хотѣлъ кого,
То носился всюду мыслію,
По деревьямъ легкой птицею,
Черезъ холмы будто сѣрый волкъ,
Какъ орёлъ сизый подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ ПОЖАРСКАГО.

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича? Начать же оную по бытіямъ сего времени, а не по замыслу Боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ ГРАММАТИНА.

Не воспѣть ли, милы братіе, любезные,
Мѣрой древней, заунывной не воспѣть ли намъ
О походѣ на половцевъ князя Игоря,
О походѣ неудачномъ Святославлича?
Повѣсть жалости достойная и вѣчныхъ слёзъ!
А начнёмъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу начнёмъ её Боянову.

Вѣщій бардъ, онъ пѣть когда хотѣлъ чьи подвиги,
Онъ по древу растекался смѣлой мыслію,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по земли,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки.

ПЕРЕВОДЪ ГРАММАТИНА.

Не пристойно ли бы намъ было, братья, воспѣть древнимъ языкомъ трудную повѣсть о войскѣ Игоревомъ, Игоря Святославовича? Воспѣтой же быть той пѣснѣ по былямъ сего времени, а не по вымыслу Боянову. Боянъ мудрой когда кому хотѣлъ пѣсню творить, то носился мыслью по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ ВЕЛЬТМАНА.

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря — Игорь-Святъславича?

Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ-какъ соки по древу,

Какъ сѣрые волки неслись по пространству и сизымъ орломъ въ поднебесьи парили.

ПЕРЕВОДЪ МАКСИМОВИЧА.

Не славно ли было бъ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича?

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

ПЕРЕВОДЪ ДЕ-ЛА-РЮ.

Или начать намъ, друзья, старымъ складомъ сказаній воинскихъ
Пѣснь о походѣ Олегова внука, Игоря князя?
Пѣснь же ту намъ начать по событіямъ дней настоящихъ,

Но не по замысламъ вѣщимъ Бояна. Боянъ замышляя
Витязя славу воспѣть, соловьёмъ растекался по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрылымъ орломъ въ поднебесьи.

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Не лучше ль намъ было, братцы, начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей пѣснь о походѣ Игоревомъ, Игоря Святославича — и начаться этой пѣсни по событіямъ нашего времени, а не въ духѣ Бояновомъ? Ибо вѣщій Боянъ когда кого хотѣлъ воспѣть, то носился мыслію по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ по полю, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ МИНАЕВА.

Начнёмъ, други, складомъ старинныхъ людей
Разсказъ про святыя былины:
Какъ Игорь костьми положилъ средь степей
Свои удалыя дружины.
У правды народной одна сторона,
У вымысла гранямъ нѣтъ счёта:
Такъ рѣчь у Бояна восторговъ полна,
Ярка у нея позолота!
Онъ звучную ль пѣсню кому запоётъ —
Раскинется въ вѣтви мыслями,
Онъ волкомъ по чорной землѣ протечётъ,
Орломъ пролетитъ подъ звѣздами.

ПЕРЕВОДЪ ИВАНОВА.

Не лучше ли намъ, братцы, начать пѣснь о походѣ Игоревомъ, Игоря Святославича, старымъ складомъ печальныхъ повѣстей, какъ что было въ то время, а не пускаться въ замыслы Бояновы? Вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому воспѣть пѣснь, растекался мыслію по дереву, рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и поднимался сизымъ орломъ подъ облака.

ПЕРЕВОДЪ МЕЯ.

Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слёзную о пълку князя Игоря,

Князя Игоря Святославича?
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинушку,
Не по замыслу боянову.
Коли вѣщему Бояну прилучалося
Про кого-нибудь пѣсню складывать,
Растекался мыслію онъ пò лѣсу,
Мчался сѣрымъ волкомъ пò полю
И сизымъ орломъ подъ облакомъ.

ПЕРЕВОДЪ КОРАБЛЕВА.

Не лучше ли будетъ намъ, братія, начать *стариною* унылую повѣсть о походѣ Игоревомъ — Игоря Святославича?

Начать же эту пѣснь по былинамъ сего времени, а не по замыслу Янову. Янъ вѣщій если кому хотѣлъ пѣснь воспѣть, то расцвѣталъ мысленно кудрявымъ деревомъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ, сизымъ орломъ леталъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗВѢСТНАГО [1]).

Кажется, не будетъ неумѣстно, братцы, если мы начнёмъ въ старинной формѣ изложенія, формѣ «словъ», скорбную повѣсть объ Игоревомъ походѣ Да начнётся эта пѣсня по современнымъ событіямъ, а не по фантазіямъ пѣвца: чуткій пѣвецъ если кому хотѣлъ сложить пѣсню, то носился бѣлкою по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ ПОГОССКАГО.

Не пригоже ли будетъ, братья, начать старымъ складомъ трудную повѣсть о полку Игоря, Игоря Святославича? И начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Боянову. Ибо вѣщій Боянъ если кому въ честь хочетъ пѣсню сложить, то мысли его растекаются древомъ вѣтвистымъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ рыщутъ, сизымъ орломъ парятъ подъ облаки.

---

[1]) Изданіе 1867 года.

ПЕРЕВОДЪ МАЙКОВА.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ —
Пѣснь о храброй Игоревой рати
И о нёмъ, о сынѣ Святославлѣ,
И воспѣть ихъ, какъ поётся нынѣ,
Не гоняясь мыслью за Бояномъ?
Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по̀ лѣсу носился,
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что̀ орёлъ, ширялъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ ВИЦЫНА.

Вотъ, на что бы лучше, братья,
Начать намъ на старый ладъ
Важное сказанье
О походѣ Игоря —
Игоря Святославича!
Начаться же той пѣснѣ
По современнымъ событіямъ,
А не по сочиненію Бояна.
А когда Боянъ вѣщій
Хотѣлъ кому пѣснь творить —
Онъ расточался соловьёмъ по дереву,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

ПЕРЕВОДЪ МАКСИМОВИЧА.

Чи не добре бъ було, братья,
Намъ про Игоря войну,
Заспивать жалибну писню,
Якъ спивали встарину!
А начаться нашой писни
По сёгодитнимъ дѣламъ:

Не по умысламъ высокимъ,
Якъ Боянъ той починавъ.
Боянъ вищій, коли схоче
Про кого було спивать,
Заразъ думкою по древу
Починае винъ литать;
Сиримъ вовкомъ побижить винъ
По горамъ и по доламъ:
Орломъ сизымъ понесеться
Къ пиднибеснымъ облакамъ.

ПЕРЕВОДЪ КЕНДЗЕРСКАГО.

Чи не гоже було бъ намъ, братья,
Почать старими словесами
Тихъ невеселихъ оповистивъ
Про Игореве погуляння,
Про Игоря Святославлича?
Начатьця жь бо слидъ писни тіеи
Бувальщиною цего жь часу,
А не по вигадкамъ Боянимъ.
Боянъ бо мудрый
Якъ що хотивъ кому писню творити,
То векшею разгонявся по древу,
Сиримъ вовкомъ шнирявъ по земли,
Орломъ хижимъ нирявъ по за хмари.

Кстати, помѣщаю здѣсь переводъ того же отрывка въ «Опытѣ преложенія пѣсни о походѣ Игоря» (пѣснь первая и начало второй, до словъ: *о Бояне, соловію стараго времени*), помѣщённаго въ IV части «Галатеи» на 1829 годъ (стр. 131). безъ означенія имени переводчика. Вотъ онъ:

Пріятно, о други, вамъ будетъ услышать
Прискорбную повѣсть о Игорѣ князѣ.

Начнёмъ не по вымысламъ хитрымъ Бояна,
Начнёмъ по преданіямъ дней пролетѣвшихъ.
Когда величавый Боянъ полководцевъ
И витязей славилъ гремящею пѣснью,
Онъ мыслью леталъ по деревьямъ высокимъ,
И сѣрымъ онъ волкомъ носился по дóламъ
И сизымъ орломъ разстилался по небу.

Кромѣ того, мы имѣемъ ещё семь русскихъ стихотворныхъ переводовъ десятой пѣсни «Слова» (Плачъ Ярославны), сдѣланныхъ гг. Козловымъ [5]), Белюстинымъ [6]), Загорскимъ [7]), Шкляревскимъ [8]), Миллеромъ [9]) и Бергомъ [10]), и одинъ малорусскій, принадлежащій Шевченко [11]).

При всёмъ уваженіи нашемъ къ именамъ болѣе или менѣе извѣстныхъ учоныхъ и литераторовъ, трудившихся надъ переложеніемъ «Слова», мы должны сказать, что большая часть прозаическихъ его переводовъ замѣчательна преимущественно въ учономъ, нежели въ литературномъ отношеніи, потому-что въ нихъ, повидимому, болѣе дорожили примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ самыми переводами. Счастливымъ исключеніемъ изъ нихъ можно назвать переводъ Вельтмана, сдѣланный мѣрною, гармоническою прозою, далеко оставляющею за собою не только прозаическія, но и многія стихотворныя переложенія

---

5) «Собраніе Стихотвореній Ивана Козлова», изд. III, 1840, ч. II, стр. 31.
6) «Благонамѣренный», 1819, ч. VI, стр. 141.
7) «Новости Литературы», 1825, ч. XIV, стр. 69.
8) «Стихотворенія П. Шкляревскаго», 1831, стр. 11.
9) «Стихотворенія Ѳ. Миллера, 1849, стр. 245.
10) «Москвитянинъ», 1847, ч. I, кн. II, стр. 32.
11) «Кобзарь», 1867, стр. 643.

«Слова», изъ которыхъ лучшія принадлежатъ М. Д. Де-ла-Рю, переложившему поэму въ довольно-звучные гекзаметры, Л. А. Мею и А. Н. Майкову, избравшимъ для своего перевода размѣръ народныхъ русскихъ пѣсенъ, и, въ особенности, М. А. Максимовичу, чей малороссійскій переводъ «Слова» поражаетъ читателя, какъ замѣчательной близостью къ подлиннику, такъ и поэтическою простотою языка и звучностью стиха. Эти достоинства перевода Максимовича выступаютъ ещё рельефнѣе при сличеніи его съ переводомъ покойнаго Шевченко, который тоже намѣревался переложить «Слово» на малороссійскій языкъ, но принуждёнъ былъ вскорѣ отказаться отъ этой мысли, такъ-какъ всѣ его попытки къ тому оказались крайне-неудачными. Что же касается переводовъ гг. Палицына, Левитскаго и Минаева, изъ которыхъ послѣдній отличается необыкновенно-звучнымъ стихомъ, то ихъ, собственно, нельзя причислить къ переводамъ, потому-что переводчики нисколько не заботились о томъ, чтобы остаться вѣрными подлиннику, и гораздо болѣе передѣлывали, нежели переводили, и даже дополняли повѣствованіе сочинителя «Слова» своими собственными вставками, въ чёмъ сознаётся самъ г. Минаевъ, въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ переводу, говоря, что онъ «объяснялъ тёмныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатыя мысли въ картины» [12]).

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ оригинальномъ способѣ *развивать сжатыя мысли* подлинника *въ картины* собственнаго изобрѣтенія, приведу здѣсь, для сли-

---

12) «Слово о полку Игоря», переводъ Д. Минаева, стр. 67.

ченія, нѣсколько небольшихъ отрывковъ лучшаго подстрочнаго перевода «Слова», сдѣланнаго г. Дубенскимъ, и соотвѣтствующія имъ стихотворныя фантазіи перелагателей:

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Рано въ пятницу они смяли поганые полки половецкіе и, разсыпавшись стрѣлами по побоищу, помчали пригожихъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними золото, парчи и дорогіе аксамситы. Юртами, епанчами и кожухами и всякими нарядами половецкими стали гатить болота и топи. Красное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебряное древко — храброму (Игорю) Святославичу.

ПЕРЕВОДЪ ПАЛИЦЫНА.

Въ единъ день съ утреннимъ блистаніемъ сквозь мглу
Срѣтаются они съ половцами въ долу:
Едва узрѣлися, сердца ихъ закипѣли,
Мечи и копья ихъ другъ въ друга зазвенѣли —
И многихъ ратниковъ, до солнечныхъ лучей,
Застигла вѣчна ночь, померкъ ихъ свѣтъ очей.
Уже противные полки преодоленны,
Разбиты, свергнуты и въ бѣгство обращенны.
А россы храбрые, разсѣясь по полямъ,
Летая съ быстротой, подобной ихъ стрѣламъ,
Мчатъ красныхъ дѣвъ оттоль половецкихъ плѣненныхъ,
Тьму злата, утварей и тканей драгоцѣнныхъ.
Но всѣхъ корыстей ихъ, утѣхъ, сокровищъ сихъ
Побѣда съ славою любезнѣе для нихъ:
Гдѣ блато имъ иль топь препоны полагаютъ,
Тамъ грудами они добычу повергаютъ,
Изъ тканей, бархатовъ, одеждъ мосты творя.
Такъ бранный духъ въ груди и славу водворя,
Женамъ приличныя отмещутъ украшенья:

Не злато нужно имъ — желѣзо на сраженье!
Поправъ враговъ, дѣлятъ добычу, возвратясь.
Пріемлетъ въ оной часть и ихъ отважный князь:
Червленна чолка, стягъ багрянъ съ хоругвью бѣлой
И древко сребряно, какъ даръ отъ рати цѣлой,
Вручены Игорю за подвиги его.
То князю нашему пріятнѣе всего,
То злата для него и паволокъ дороже —
Дружина такъ речётъ и воины всѣ тоже.

Такимъ образомъ переведено Палицынымъ всё «Слово о полку Игоря», за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, или вовсе выпущенныхъ переводчикомъ, или замѣнённыхъ стихами собственной работы. Такъ, напримѣръ, всё начало четвёртой пѣсни, до словъ:

Такъ при Олегѣ молодомъ —

у него выпущено и замѣнено слѣдующимъ четырёхстишіемъ:

Войны во времена и прежнія бывали,
Напасти и бѣды Россію угнетали,
Не столь отъ чуждыхъ силъ, нашествій и сѣтей,
Колико отъ своихъ раздоровъ межъ князей.

Кромѣ того, переводъ Палицына изобилуетъ множествомъ самыхъ анти-поэтическихъ вставокъ, часто искажающихъ самый смыслъ подлинника.

Переводъ Левитскаго нѣсколько ближе къ подлиннику, за-то далеко превосходитъ переводъ Палицына числомъ и чудовищнымъ размѣромъ своихъ вставокъ, отличающихся необыкновенною яркостью красокъ и смѣлостью уподобленій. Для примѣра возьмёмъ два слѣдующихъ отрывка:

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

«Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію примыслить, ни думою придумать, ни глазами увидать, а златомъ и сребромъ не брянчать нисколько!»

ПЕРЕВОДЪ ЛЕВИТСКАГО.

«Невидать намъ сердцу милыхъ ужь,
Не слыхать ихъ сладка голоса,
Не прижать къ груди пылающей
И въ объятіяхъ супружескихъ
Не лелѣять и не нѣжить ихъ!
Не пролить слёзъ умиленія,
Кромѣ слёзъ единой горести!
Не видать намъ злата, серебра,
На всегда уже отнятаго!
На что злато, на что серебро,
Коли грудь тѣснится вздохами?
Что безъ милыхъ въ этой пышности?
Ожерелья, ткани, бархаты
Тогда служатъ украшеніемъ,
Когда сердце цвѣтётъ въ радости,
Когда всё — предметъ веселія;
Но безъ милыхъ и безъ радости
Пышность всякая не радуетъ.
Увы! всѣмъ мы — всѣмъ ограблены!
Гдѣ супруги и гдѣ дѣтища?
Гдѣ и братья, гдѣ всѣ сродники?
Гдѣ? — средь поля половецкаго!
О! пріими насъ мать сыра земля
Лучше ты въ свои объятія,
Чѣмъ терпѣть презрѣнье половцевъ!
Лучше скрыться въ гробовыхъ доскахъ,
Чѣмъ подъ властію быть у половцевъ.
Такъ — умрёмъ или спасёмъ мужей!»

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Одинъ же Изяславъ Васильковичъ позвонилъ своими острыми мечами во шлемы литовскіе, затьмилъ славою дѣда своего Всеслава, а самъ подъ багряными щитами на травѣ кровавой изрубленъ мечами литовскими.

ПЕРЕВОДЪ ЛЕВИТСКАГО.

Изяславъ только Васильковъ внукъ
Позвенѣлъ одинъ мечомъ своимъ
По шлемамъ литовцевъ буйственныхъ;
Только онъ одинъ осмѣлился
Усмирить гордыню адскую.
Но чтó дерзкихъ усмирить можетъ,
Людской кровію воспитанныхъ?
Чтò казаться можетъ страшнымъ имъ?
Чтò? — когда и саму смерть
Чтутъ единою бездѣлкою?
Сердце ихъ — есть сердце львиное,
Грудь ихъ — грудь есть леопардова,
Кровь людей — имъ нектаръ сладостный,
Трупы — снѣдь для нихъ пріятная.
Изяславъ сталъ ихъ добычею:
Подъ щитами палъ багряными;
На травѣ, смочённой кровію,
Отъ литовскихъ онъ погибъ мечей.

Эти два отрывка изъ шестой и девятой пѣсенъ (плачъ русскихъ жонъ о погибшихъ и описаніе смерти Изяслава), взятые мною на выдержку, могутъ дать совершенно вѣрное понятіе о достоинствѣ стихотворной фантазіи Левитскаго, названной имъ — переводомъ «Слова о полку Игоря», хотя въ этихъ двухъ произведеніяхъ, за исключеніемъ основной идеи, весьма мало общаго. Перехожу къ переводу г. Минаева.

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

То солнце ему тьмою путь застилало; теперь ночь, воемъ грозя ему, будила птицъ, ревъ звѣриный по степямъ; дивъ кричитъ на деревѣ, даётъ вѣсть странѣ ещё неизвѣданной — Волгѣ и Поморію и Посулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ тьмутараканскій болванъ!

ПЕРЕВОДЪ МИНАЕВА.

И вотъ передъ Игоремъ,
Въ самый полудневный жаръ,
На сводѣ безоблачномъ
Стало гаснуть солнышко;
На щитъ его огненный
Всходитъ воронёный щитъ,
На Руси невиданный,
Преданьемъ незнаемый;
Высокій шатёръ небесъ
Темнѣлъ мракомъ вечера:
Лишь чуть золотымъ серпомъ
Отъ скрытаго солнышка
Виднѣлась окраина.

Летятъ тѣни нà землю,
Пали смурымъ пологомъ
Кругомъ на окрестности,
На вѣтвяхъ густыхъ деревъ
Свои кудри чорныя
Сѣтями развѣсили.
Стала ночь тюрьмы чернѣй:
Могильными сводами
Спустилась надъ Игоремъ,
Зарычала вкругъ него
Стаями звѣриными,
Надъ слухомъ *загукала*
Птицами зловѣщими.
Заржалъ лѣшій пò лѣсу,

Крикнулъ отъ вершинъ дубовъ:
«Не хвались на-утрѣ князь,
Хвались по-полуночи!
Поди, попытай теперь
Край земли незнаемой;
Сходи, князь, въ Поволожье,
Взгляни на Поморіе,
Поучись по Сулію,
Поборись по Сурожью,
На стѣны Херсонскія
Насмотрись хоть издали!»

«Прочь, косматый чучело!»
Отвѣчаетъ Игорь князь:
«Тебѣ ли пугать меня?
Ты — Тьмутараканскаго
Царства басурманскаго
Болванъ необтёсанный!»

Это описаніе солнечнаго затьменія и дурныхъ предзнаменованій похода Игоря (изъ второй пѣсни), если хотите, весьма граціозно; жаль только, что ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ. Слѣдующій отрывокъ (изъ одиннадцатой пѣсни) можно назвать даже блистательнымъ и по языку и по звучности стиха. Что же касается вѣрности перевода — предоставляю судить читателямъ.

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Соловьи весёлымъ пѣніемъ разсвѣтъ возвѣщаютъ.

ПЕРЕВОДЪ МИНАЕВА.

Вотъ межъ чащею, подъ ракитникомъ,
Луговой пѣвецъ просыпается:
Щолкнулъ, свистнулъ, разсыпался,

Разошолся по воздуху
Серебристыми звѣньями,
Загремѣлъ перекликами,
Застоналъ перекатами,
Разлился звонкимъ голосомъ
По всему по поднебесью.
Его слушала, зарумянившись
Подъ фатой своей, браной золотомъ,
Съ неба синяго заря майская.

Не смотря на различное достоинство этихъ трёхъ переложеній, какъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ послѣднее представляетъ нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ, правда, бóльшею частію принадлежащихъ перу самого переводчика, но тѣмъ не менѣе весьма поэтическихъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ выполнить своего назначенія — познакомить читателя съ подлинникомъ, одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ котораго именно заключается въ сжатости рѣчи, характеризующей «Слово».

Иностранцы также имѣютъ нѣсколько переводовъ «Слова о полку Игоря». Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: нѣмецкіе — Мюллера [13]), Ганки [14]), пастора Зедергольма [15]) и Больтца [16]);

---

[13]) Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer des Fürsten vom Sewerischen Nowgorod Igor Swätslawhtsch, geschrieben in altrussischer Sprache gegen das Ende des zwölften Jahrhunderts. In die deutsche Sprache treu übertragen vom Ioseph Müller. Prag. 1811.

[14]) Igors Swatslawitsh. Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer. Von Wenceslaw Hanka. Prag. 1821. (Изданъ вмѣстѣ съ чешскимъ переводомъ.)

[15]) Das Lied vom Heereszuge Igors, Sohnes Swätoslaws, Enkels Olegs. Aus dem Slawonischen metrisch übersetzt vom Pastor Sederholm. Mockau. 1825.

[16]) Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Aeltestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert. Herausgegeben vom Doktor August Boltz. Berlin. 1854. Переводъ перепечатанъ, въ исправленномъ видѣ, въ «Beiträge zur Völkerkunde», за 1868 годъ.

французскіе — барона Экштейна, помѣщённый въ журналѣ «Le Catholique», и Бланшара[17]), напечатанный вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ; польскіе — Купріяна Годебскаго, Августина Бѣлёвскаго[18]) и Адама Красинскаго[19]); чешскіе — Вячеслава Ганки[20]), Мартына Гатталы[21]) и Яромира Эрбена[22]); сербскіе — Хаджича, помѣщённый имъ въ бѣлградскомъ альманахѣ «Голубица» на 1842 годъ и перепечатанный во второй части его сочиненій, изданныхъ въ 1854 году[23]), Огнеслова Утѣшиновича, напечатанный въ журналѣ «Nevena» на 1852 годъ и Данилы Медича[24]), напечатанный въ Петербургѣ; болгарскій — Жинзифова[25]) и венгерскій — Сценде[26]).

---

17) Igor, poème héroique, traduit du russe par N. Blanchard. Moscou. 1823.

18) Wyprawa Igora na Połowców. Poemat sławiański, wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów. 1833.

19) Pieśń o pólku Igora. Starosławiański poemat z XII wieku. Przekład K. Adama Stanisława Krasińskiego, kanonika katedry wileńskiey. Petersburg. 1856.

20) Igor Swatoslawić. Hrdinsky zpiew o tazenj proti Polowcum. Od Waclawa Hanky. W Praze. 1821.

21) Slovo o polku Igoreve. Vudal Martin Hattala. W Praze. 1858.

22) Dvé zpévu staroruských totiz: o výpravc Igorove á Zadonstina. Vydal Karel Jaromir Erben. W Praze. 1869. Переводъ перепечатанъ въ «Slavanská Peezija» (1874, стр. 59).

23) Пѣсна о полку Игоревомь (XII вѣка). Съ подлиннога русскога на србскій езыкъ преведена и сложена по начину юначкихъ нашихъ народныхъ пѣсама. По изданію Михаила Максимовича (Кіевъ, 1837) првый путъ издана у «Голубици», а садь прегледаня и исправлѣна по изданію Николая Гербеля (С.-Петербургъ, 1854.) («Дѣла Іована Хацича», 1858, т. II.)

24) Слово о полку Игоревомъ или пьесма о Игоревой чети. Превео и объяснио Данило Медичь. У Светомъ Петрограду. 1870.

25) Слово за пълкъ-тъ Игоревъ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Преведе отъ старо-русскій языкъ Р. Жинзифовъ. Москва. 1863. («Новобългарска Сбирка», 1863.)

26) Szózat Igor hadjáratárul a palócok ellen. Magyaritotta Riedl Szende. Prága és Lipcse. 1858.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ переводили иностранцы «Слово о полку Игоря», привожу, для сличенія, ихъ стихотворные переводы на французскій, нѣмецкій, польскій, сербскій и болгарскій языки.

ПЕРЕВОДЪ БЛАНШАРА.

Il est doux de chanter un héros malheureux:
Chantons du brave Igor l'effort infructueux;
Mais que dans nos récits, simples et véridiques,
N'entrent point de Boyan les fictions antiques:
Quand ce barde voulait célébrer les héros,
Son esprit inspiré l'élevait sur les flots,
Le portait comme un aigle au dessus des nuages,
Ou comme un faible oiseau parmi de verts bocages.

ПЕРЕВОДЪ ЗЕДЕРГОЛЬМА.

Bedünket es nicht euch ihr Brüder löblich,
Wenn wir in alter Zeiten Wort begönnen
Die Trauermähr von Igors Heereszuge,
Des Sohnes Swätoslaws? Wohlan denn, Lied,
Beginne, treu den Thaten dieser Zeiten,
Nicht nach Bojans Gedankenflug, des Sehers;
Denn wenn ein Heldenlied er singen wollte,
So schweifte durch die Wälder sein Gedanke,
Wie auf der Erde schweift der graue Wolf,
Den Wolken nah der bläulich-graue Aar.

ПЕРЕВОДЪ БОЛЬТЦА.

Brüder, wär es nicht gerathen,
Nach dem alten Brauch der Väter,

Was die Sagen von dem Zuge
Igor's, Swätoslawitsch's sohne,
Melden, treu zu wiederholen?
Doch beginnen mag dies Lied nur
Nach den Sagen uns'rer Zeit, nicht
Nach Bojan's erhab'ner Weise.
Denn Bojan, der hehre Dichter,
Wollte der im Lied berichten,
Schweift'er ab durch Wald und Auen,
Liesz den grauen Wolf der Heide
Und den Wol kenaar erscheinen,
Um es würdig auszuschmücken.

ПЕРЕВОДЪ БѢЛЕВСКАГО.

Bracia! nie piękniez piać staremi słowy
Trudne o połku Igora powieści?
A więc pocznijmy pieśń, wedle osnowy
Zdarzeń, nie zmyśleń bojańskiemi tory;
Bo wieszczy Bojan jesli k'czyjej cześci
Pieśń tworzył, myślą uganiał przez bory,
Wilk ziemią, w wiatrach orzeł chyzopióry.

ПЕРЕВОДЪ КРАСИНСКАГО.

Miło to, bracia, gdy w naddziadów mowie,
Igora czyny rycerskie apowié
Pieśń, z tego czasu pamiątek śpiéwana,
Nie z woyobraźni, a ni z dum Bojana.
Bo kiedy Bojan pieśń komu zaśpiéwa,
Myślą na kształt wielkiego roztacza się drzewa,
I szarym wilkiem pędzi w step szeroki,
I siwym orłem szumi pod obłoki.

ПЕРЕВОДЪ ХАДЖИЧА.

Не бы ли намъ, брачо, льѣпо было
Тужну повѣсть полка Игорева,
Та Игора Светославлѣвича,
Започети сада старымъ рѣчьма?
Но почети ту пьѣсну онако,
Као што су управъ дѣла была,
А не Боянъ како бѣше смышляо?
Боянъ вѣштый кадь е коме пѣв'о,
Онъ с'посло умомь по древчу,
Па по земельи како сурый вуче,
Како оро летечь подь облаке.

ПЕРЕВОДЪ МЕДИЧА.

Льепо би намъ било, брачо,
Старимъ слогомъ започети
Тужну пьѣсму о Игору
И пьеговой храброй чети.

И пьѣвати ову пьѣсму
Не по мѐчтама Бояна
Вѣчь по вьѣрнимъ приповьѣдкамъ
И предапью нашихъ дана.

Еръ кадъ гочь е пьѣвачь дивни
Ударао златне жице,
Носао се съ вольномъ мысли
Како славуй крозъ младице,

Иль се како мраки вуче
По равноме полью крійо,
Иль се како оро сури
Подъ облаке гордо війо.

ПЕРЕВОДЪ ЖИНЗИФОВА.

Дали не лѣпо ке бѣше за насъ, братя,
Съ стары на приказы мачны слова мые
Да пачнем' пѣсня за пълкъ-тъ Игоревъ,
Игоря того сына Святослава!
И да ся начнитъ тая пѣсня
По работы на сегашно време,
А не както що Боянъ задумвалъ?
Ак' нѣкому Боянъ вѣщій
Сакалъ да направитъ пѣсня
Растеквалъ ся съ мысль по дьрво,
Както вълкъ сѣрый по земля,
Както сивъ орелъ подъ облакъ.

Наконецъ, надъ составленіемъ примѣчаній, филологическихъ объясненій и критическихъ изслѣдованій трудились, въ разное время, кромѣ поименованныхъ выше переводчиковъ «Слова», почти всѣ извѣстные наши учоные, какъ-то: Малиновскій, Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Тимковскій, Ермолаевъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Полевой, Болтинъ, Бутковъ, Востоковъ, Погодинъ, Шевырёвъ, Руссовъ, князь Вяземскій, Глаголевъ, Снегирёвъ, Сахаровъ, Буслаевъ, Давыдовъ, Березинъ, Головинъ, Тихонравовъ, Туловъ, Пекарскій, знаменитые иноземные славяновѣдцы: Домбровскій, Шлецеръ, Шафарикъ, Вишневскій, Ганка, Гай и многіе другіе.

Уже одни имена этихъ учоныхъ изслѣдователей «Слова о полку Игоря», признавшихъ его высокое значеніе въ исторіи нашей литературы, какъ единственнаго самобытнаго памятника поэзіи древней Руси, могутъ служить до-

статочнымъ опроверженіемъ нѣкоторымъ скептикамъ, вздумавшимъ заподозрить не только древность этого памятника, но и самую его подлинность, въ которой теперь уже никто не сомнѣвается, благодаря множеству полемическихъ и критическихъ статей, разрѣшившихъ, наконецъ, этотъ вопросъ въ пользу «Слова» — и рѣшеніе это утверждено на доказательствахъ слишкомъ ясныхъ, чтобы съ ними не согласиться. Впрочемъ, я не нахожу нужнымъ распространяться о нихъ, тѣмъ болѣе, что критическій разборъ подлинника не входитъ въ планъ моего труда — чисто литературнаго.

Такъ-какъ цѣль предлагаемаго перевода — обратить ещё разъ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей на это превосходное произведеніе нашей древности и сдѣлать его содержаніе доступнымъ и для тѣхъ, кто не любитъ сухихъ, археологическихъ розысканій, но тѣмъ не менѣе не чуждъ всего, что̀ касается нашей древней славы, то я считаю не лишнимъ познакомить читателя съ самымъ происшествіемъ, послужившимъ пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы.

Князья Сѣверскіе, Игорь Святославичъ Новгородскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій и племянникъ ихъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій, ревнуя славѣ великаго князя Кіевскаго Святослава, одержавшаго въ 1184 и 85 годахъ двѣ блистательныя побѣды надъ половцами, въ которыхъ они не участвовали, рѣшились сами идти въ половецкую землю и добыть себѣ ещё бо̀льшей славы. До настоящаго похода Игорь извѣстенъ былъ, какъ побѣдитель варваровъ близь урочища Олтавы (нынѣшней Полтавы), гдѣ онъ,

двадцатилѣтній юноша, въ 1171 году разбилъ на голову половцевъ, предводимыхъ лучшими своими ханами, Кобякомъ и Кончакомъ. Что же касается Всеволода, лѣтописцы, какъ и сочинитель «Слова», изображаютъ его героемъ, *удальйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей, величественнымъ наружностью, любезнымъ душою. Князья собрали свои дружины, взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ-называемыхъ ковуевъ, которые составили особый полкъ, подъ начальствомъ Ольстина Олексича, и пошли къ Дону.

1-го мая 1185 года, не доходя рѣки Донца, русское войско застигнуто было солнечнымъ затьменіемъ, принятымъ боярами за дурное предзнаменованіе. «Друзья и братья!» сказалъ Игорь: «тайны божественныя никому не свѣдомы; а намъ не миновать своего рока.» Прибывъ къ донецкому перевозу, войско Игорево переправилось за рѣку у Изюмскаго кургана (нынѣшняго Изюма) и двинулось къ берегамъ Оскола. Здѣсь князья простояли двое сутокъ, въ ожиданіи прибытія Всеволода, который шолъ изъ Курска инымъ путёмъ. Соединившись съ братомъ, Игорь обратился къ югу, къ рѣкамъ Дону и Салу. Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о новой грозѣ, представляя имъ, что русскіе, рѣшившись зайти такъ далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ князьямъ. Люди благоразумные совѣтовали Игорю возвратиться. «Князь!» говорили они: «непріятели многочисленны; удалимся: теперь не наше время.» — «Мы бу-

демъ осмѣяны», отвѣчалъ имъ Игорь, «когда, не обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе смерти.»

Въ пятницу, въ обѣденное время, войско Игорево встрѣтилось въ первый разъ съ половцами на берегахъ рѣки Сюурліи. Завидя приближеніе варваровъ, князья изготовились къ битвѣ: полкъ Игоревъ помѣстился въ серединѣ; по правую его сторону сталъ Всеволодъ съ своимъ полкомъ, а по лѣвую Святославъ; впереди ихъ расположились Владиміръ, сынъ Игоря, и черниговскіе ковуи, а шестой полкъ, составленный изъ стрѣлковъ всѣхъ пяти отрядовъ, образовалъ первую линію. «Братья!» сказалъ Игорь: «мы ихъ искали — такъ сразимся же!» Началась битва. На этотъ разъ русскіе остались побѣдителями, причёмъ взяли станъ непріятелей и захватили ихъ семейства. Русскіе три дня ликовали въ завоёванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: «Чтó скажутъ теперь наши братья и Святославъ Кіевскій? Они сражались съ половцами, ещё глядя на Переяславль, и не смѣли идти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы наши. Истребимъ варваровъ и пріобрѣтёмъ славу вѣчную!»

Эта гордость воиновъ мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя послѣдствія. Ободрённые первымъ успѣхомъ, князья не усомнились идти къ Дону, перешли его и двинулись къ берегамъ Азовскаго моря. Разбитые половцы, соединившись съ новыми толпами, пошли вслѣдъ за ними, и въ субботу утромъ окружили русское войско близъ устья рѣки

Каялы (нынѣшняго Кагальника), впадающей въ Азовское море, отрѣзали его отъ воды, и, въ ожиданіи ещё бо́льшей помощи, не хотѣли сразиться копьями, три дня дѣйствуя однѣми стрѣлами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ, русскіе, томимые жаждой, открыли себѣ путь къ водѣ, и тутъ-то, на берегу Каялы, на голой, палимой горячимъ солнцемъ степи, произошла рѣшительная битва, такъ краснорѣчиво описанная пѣвцомъ Игоря. Два дня длилось сраженіе; русскіе бились храбро, отчаянно. Изнурённые кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненый Игорь ѣздилъ на конѣ и ободрялъ ихъ. Видя бѣгство ковуевъ, онъ бросился останавливать ихъ, снялъ съ себя шлемъ, чтобы они узнали его и воротились; но, увлечённый толпою, былъ окружонъ половцами и взятъ въ плѣнъ. Всеволодъ оказалъ рѣдкое мужество и, наконецъ, остался безъ оружія, сломивъ свой мечъ и копьё. Въ сокрушеніи сердца, Игорь каялся въ грѣхахъ своихъ и молилъ Бога лучше послать ему смерть, нежели допустить видѣть паденіе брата. Наконецъ, русское войско было побито. Спаслось всего пятнадцать русскихъ и нѣсколько ковуевъ: остальные или легли на мѣстѣ подъ саблями половецкими, или утонули въ Азовскомъ морѣ, или, наконецъ, отведены были съ князьями въ неволю.

Узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ князей, Земля Русская *возстонала*: князья, бояре, народъ — всѣ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцовъ, ближнихъ родственниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ. На возвратномъ пути, услыхавъ печальную вѣсть,

онъ залился слезами и сказалъ: «Я жаловался прежде на легкомысліе Игоря: теперь ещё болѣе жалуюсь на его злополучіе.» Онъ собралъ князей подъ Канёвымъ, но распустилъ ихъ, когда половцы, боясь его ополченія, отступили отъ нашихъ границъ. Не желая идти по слѣдамъ Сѣверскихъ князей, чтобы не испытать той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій, постигшихъ Русскую Землю. Варвары, ободрённые его робостью, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы и осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами родного города и бился какъ герой; кровь текла изъ ранъ его, дружина ослабѣвала. Тогда, видя опасность любимаго князя, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, поражоннаго тремя копьями. Половцы, взявъ Римъ (нынѣшній Роменъ), изрубили его жителей, опустошили множество сёлъ близь Путивля и, обременённые плѣнниками и богатой добычей, ушли въ свои вежи.

Между-тѣмъ Игорь Святославичъ, взятый въ плѣнъ *Тарголовымъ мужемъ Чилбукомъ*, жилъ въ неволѣ, подъ надзоромъ хана Кончака, которому достался по раздѣлу. Уважая храбраго князя, Кончакъ обходился съ нимъ не какъ съ плѣнникомъ, но какъ съ княземъ: позволилъ ему вызвать и имѣть при себѣ священника, слугъ, и даже не препятствовалъ забавляться ястребиною охотою. Наконецъ, одинъ половчанинъ, мать котораго была русская, по имени Лаверъ, или Овлуръ, какъ называетъ его сочинитель «Слова», вызвался бѣжать съ нимъ изъ неволи. «Я могъ уйти во время битвы», отвѣчалъ ему Игорь, «но не хотѣлъ обез-

славить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.» Однако жь, убѣждённый совѣтомъ вѣрнаго своего конюшаго, Игорь согласился. Лаверъ приготовилъ коней. Игорь притворился спящимъ, и, когда половцы, упоённые крѣпкимъ кумысомъ, заснули, всталъ тихонько, помолился, взялъ крестъ и икону и ушолъ изъ вежи. Одиннадцать дней скитался онъ по степямъ, вмѣстѣ съ Лаверомъ, скрываясь отъ преслѣдованія половцевъ, всюду разсыпавшихся по слѣдамъ его, и благополучно прибылъ въ пограничный русскій городъ Донецъ.

Что же касается сына его Владиміра, оставленнаго имъ въ плѣну, то онъ женился тамъ на дочери половецкаго хана Кончака, славившейся своею красотою, и черезъ два года возвратился къ отцу, вмѣстѣ съ своимъ дядею, буйтуръ Всеволодомъ.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведеніе, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности — къ роману и, притомъ, произведеніе, написанное стихами. Это послѣднее мнѣніе раздѣляютъ многіе изъ учоныхъ изслѣдователей этого памятника — въ томъ числѣ Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичъ и Туловъ — хотя они и не вполнѣ сходятся въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Всё различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ[27]), признавая вообще

[27]) См. его «Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи», стр. 159—161.

складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно у него раздѣлилось на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи, подобные библейскимъ. Дубенскій[28]) принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и размѣряетъ «Слово» шестистопнымъ дактило-хореическимъ стихомъ или гекзаметромъ. Полевой[29]) также разбиваетъ подлинникъ на стихи, причёмъ говоритъ, что размѣръ въ нёмъ явенъ, и стòитъ только не считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность. Максимовичъ же[30]) полагаетъ, что вольное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ-сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣлённаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные великорусскіе, но столько же разнообразные и вольные, какъ стихи украинскіе, особенно въ думахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря». Наконецъ, по мнѣнію Тулова[31]), «Слòво» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсенъ и притомъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія, или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимъ, влѣдствіе вліянія пѣсенъ, краски поэзіи народной, или, наконецъ, чтò всего вѣроятнѣе, пѣсню, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ положена

[28]) См. его «Опытъ о Народномъ Русскомъ Стихосложеніи», стр. 101—107.

[29]) «Московскій Телеграфъ», 1833 г. № 7, стр. 429.

[30]) См. его «Пѣснь о Полку Игоря, критическій разборъ», стр. 82—84.

[31]) См. его «Руководство къ Познанію Родовъ, Видовъ и Формъ Поэзіи» стр. 205—206.

была на бумагу, въ чёмъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя. А нужно замѣтить, что въ отдалённый отъ насъ вѣкъ Игоревъ поэзія ещё не такъ давно перешла изъ устъ народа въ книги, ещё не достигла такой степени искусственности, чтобы выраженіе *пѣть*, встрѣчающееся въ «Словѣ», могло быть употреблено на такомъ же основаніи и въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно употреблено, напримѣръ, въ стихѣ Хераскова:

«*Пою* отъ варваровъ Россію свобожденну».

Эти смѣлыя предположенія, основанныя на доказательствахъ, можетъ-быть, не совсѣмъ ясныхъ, но тѣмъ не менѣе справедливыхъ, навели меня на мысль перевести знаменитую поэму стихами. Ознакомившись съ подлинникомъ, въ чёмъ не встрѣтилъ большихъ затрудненій, благодаря обилію вышепоименованныхъ мною переводовъ и критическихъ изслѣдованій, я съ жаромъ принялся за работу и — вскорѣ переводъ мой былъ оконченъ. Теперь онъ передъ судомъ публики. Знаю всю недостаточность моего слабаго труда, внушоннаго желаніемъ подѣлиться тѣми пріятными впечатлѣніями, которыя пробудило во мнѣ изученіе этого стариннаго памятника; знаю, что мнѣ не удалось уловить всѣхъ чудныхъ оттѣнковъ подлинника, ярко блистающаго неподдѣльными красками поэзіи; но утѣшаю себя мыслію, что старался, по-крайней-мѣрѣ, незначительность таланта вознаградить добросовѣстнымъ изученіемъ и если не художественною, то возможно-вѣрною передачею неподражаемыхъ красотъ, которыми такъ богато «Сло-

во», причёмъ старался, по возможности, сохранить тонъ и складъ рѣчи подлинника, составляющіе всю особенность этого древнѣйшаго произведенія нашей письменности. Что же касается подлинника «Слова», то, слѣдуя совѣту Востокова [32]) и принявъ за основаніе мнѣніе Максимовича, изложенное мною выше, я разбилъ его на стихи, подобные стариннымъ украинскимъ, а для нагляднаго удобства при чтеніи напечаталъ славянскими буквами по пушкинскому изданію.

Не смотря на видимую цѣлость и стройность повѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря», въ то же время, представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій (какъ, напримѣръ, четвёртая и девятая пѣсни, посвящённыя воспоминанію о минувшемъ), раздѣляющихъ его на нѣсколько (именно двѣнадцать) частей, которыя я, по примѣру Сахарова, назвалъ пѣснями. Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» ещё и другіе пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Бояну [33])? или даже — не составлено ли оно неизвѣстнымъ пѣвцомъ Игоря, подобно рапсодіямъ Омира, изъ нѣскольких современныхъ пѣсенъ, посвящённыхъ

[32]) «Не мѣшало бы, хотя для типографской исправности, чтобы облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ при новомъ изданіи «Слова о полку Игоревѣ», раздѣлить сію древнюю поэму русскую на стихи, подобные библейскимъ.» (Востоковъ.)

[33]) Мнѣніе Максимовича.

злополучному походу Игоря и счастливому его возвращенію на родину?

Соображаясь съ духомъ каждой изъ этихъ пѣсень, я старался подобрать соотвѣтствующій ей стихотворный размѣръ, чтобы тѣмъ удобнѣе поддѣлаться подъ тонъ его сладко-звучащей рѣчи. Успѣлъ ли я въ томъ — предоставляю судить читателямъ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о перемѣнахъ и дополненіяхъ, сдѣланныхъ мною въ послѣднихъ изданіяхъ предлагаемаго перевода. Приступая ко второму изданію «Игоря», я тщательно пересмотрѣлъ свою книгу и, руководствуясь справедливыми замѣчаніями гг. рецензентовъ, сдѣлалъ необходимыя поправки, причёмъ нѣкоторыя пѣсни перевёлъ снова, а въ предисловіи помѣстилъ подробное описаніе самаго происшествія, послужившаго пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы. Въ предлагаемомъ нынѣ пятомъ изданіи сдѣланы новыя исправленія, съ цѣлью приблизиться ещё болѣе къ подлиннику.

Въ заключеніе приношу мою благодарность гг. рецензентамъ за ихъ лестные отзывы[34]) о моёмъ трудѣ, что,

---

[34]) См. «Современникъ», 1854, № 2 (статья Ушинскаго), «Отечественныя Записки», 1854, № 3, 1855, № 7 и 1856, № 12, (статьи Дубенскаго и Корелкина), «Москвитянинъ», 1854, №№ 5 и 22 и 1855, № 1, 2 и 6 (статьи Максимовича, Березина и Берга), «Библіотека для Чтенія», 1854, № 3 и 1855, № 4 (статьи Сенковскаго и Мея), «Извѣстія Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ», 1854, листъ 53 (статья Срезневскаго), «Пантеонъ», 1854, № 2 и 1855, № 4 (статьи Аѳанасьева), «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1854, № 24 и 1855, № 67 (статьи Мана), «Русскій Инвалидъ», 1854, № 5, «Вѣдомости Санктпетербургской Полиціи», 1854, № 43 (статья Стоюнина), «Лучи», 1854, № 3 и другіе.

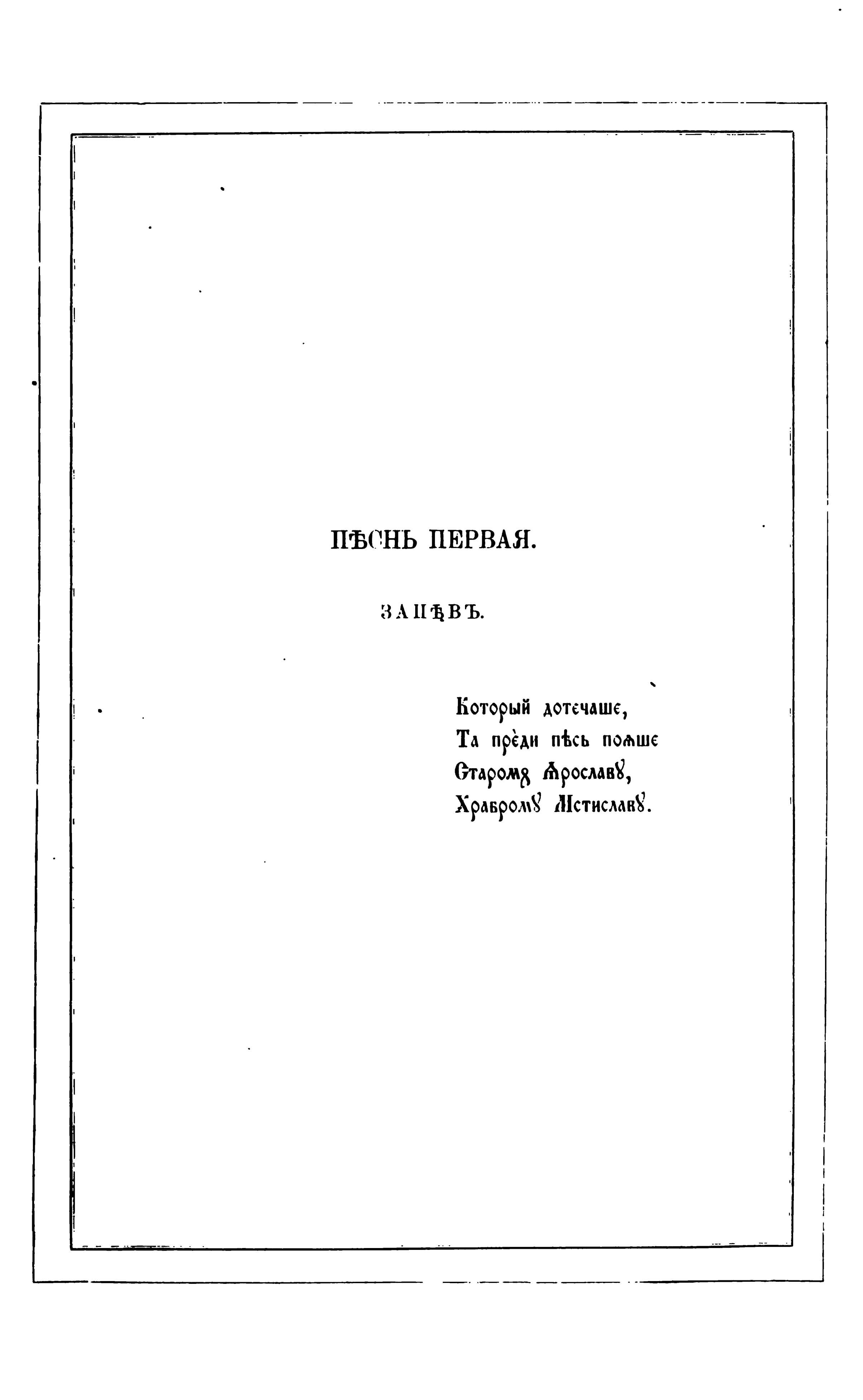
безъ сомнѣнія, было главною причиною его успѣха. Льщу себя надеждою, что и *пятое*, нынѣ выходящее въ свѣтъ, изданіе моего перевода встрѣтитъ такой же радушный пріёмъ, какъ и четыре первыя.

Николай Гербель.

КАРТ. ЗАВ. А. ИЛЬИНА.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 24 НОЯБР. 1875 Г.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ЗАПѢВЪ.

Который дотєчашє,
Та прѐди пѣсь поꙗшє
Старомꙋ Ꙗрославꙋ,
Храбромꙋ Мстиславꙋ.

Нє лѣпо ли ны бѧшєтъ, братіє,
    Начѧти старыми словєсы
    Трꙋдныхъ повѣстїй
    О пълкꙋ Игорєвѣ,
    Игорѧ Свѧтъславлича?
    Начати жє сѧ тъй пѣсни
    По былинамъ сєго врємєни,
А нє по замышлєнію Боѧню?

    Боѧнъ бо вѣщій,
Ащє комꙋ хотѧшє пѣснь творити,
То растѣкашєтсѧ мыслію по дрєвꙋ,
    Сѣрымъ вълкомъ по зємли,

    Шизымъ орломъ подъ облакы.

Помнѧшєть бо рєчь първыхъ врємєнъ ꙋсобіцѣ:

Тогда пꙋщашєть і҃ соколовь
    На стадо лєбєдѣй,

Не начать ли намъ, ребята,
Складомъ повѣстей невзгодъ,
Про походъ на супостата,
Князя Игоря [1]) походъ?
И начать намъ безъ обмана —
Эту пѣсню про князей —
По былинамъ нашихъ дней,
Не по замысламъ Бояна?
Если былъ пѣвецъ Боянъ
Вѣщимъ духомъ обаянъ,
То носился мыслью-птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ,
Сѣрымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Поднимался къ облакамъ.

А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебёдокъ говорливыхъ,

Который дотєчашє,
Та прєди пѣсь поѧшє
Старомꙋ Ꙗрословꙋ,
Храбромꙋ Мстиславꙋ,
Ижє зарѣза Рєдєдю
Прєдъ пълки Касожьскыми,

Красномꙋ Романови Святъславличю.

Боѧнъ жє, братіє,
Нє і҃ соколовь на стадо лєбєдѣй пꙋщашє:

Нъ своѧ вѣщіа пръсты
На живаѧ стрꙋны въскладашє;

Они жє сами кнѧзємъ славꙋ рокотахꙋ.

Почнємъ жє, братіє, повѣсть сію
Отъ стараго Владимєра
До нынѣшнѧго Игорѧ;

Ижє истѧгнꙋ ꙋмь крѣпостію своєю,
И поостри сєрдца своєго мꙋжєствомъ,
Наплънився ратнаго дꙋха,
Навєдє своѧ храбрыѧ плъкы
На зємлю Половѣцькꙋю
За зємлю Рꙋськꙋю.

И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава [2]),
То про храбраго Мстислава [3]),
Что косоговъ побѣдилъ
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа [4]).

Не на стадо лебедѐй
Нашъ Боянъ, нашъ соловей,
Десять соколовъ пускаетъ:
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струна̀мъ
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше «Слово»
Отъ Владиміра Святого
И про Игоря, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я,
Какъ, наполнясь духомъ ратнымъ,
Онъ свой разумъ изострилъ,
Словно панцыремъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрылъ
И за Русь повёлъ дружину
Въ половецкую краину.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЕРВОЙ.

[1]) Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, сынъ Святослава Ольговича Черниговскаго и внукъ Ольга Святославича Тьмутараканскаго — герой поэмы. Онъ родился 3-го апрѣля 1151 года; сѣлъ на новгородъ-сѣверское княженіе въ 1180 году; пересѣлъ на черниговскій престолъ въ 1198 году; умеръ въ 1202 году. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Евфросиніи, дочери князя галицкаго Ярослава Владимірковича. Игорь былъ одарёнъ душою мужественною и удалялся козней, свойственныхъ бо́льшей части потомковъ Олега.

[2]) Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тьмутараканскаго и Романа Святославича Краснаго.

[3]) Мстиславъ Владиміровичъ Тьмутараканскій, дѣдъ Олега. Въ 1022 году онъ въ единоборствѣ умертвилъ великана и богатыря касожскаго князя Редедю и увёлъ въ плѣнъ его жену и дѣтей.

[4]) Романъ Святославичъ Красный, родной братъ Олега Тьмутараканскаго, дѣда Игоря. Когда князья разбили Олега въ 1078 году, Романъ немедленно началъ войну, но былъ убитъ въ слѣдующемъ году имъ же нанятыми половцами; Олегъ же былъ сосланъ на островъ Родосъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВѢЩЕЕ ЗАТЬМѢНІЕ.

Лꙋцежъ бы потѧтꙋ быти,
Неже полонѐнꙋ быти!

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце,
И видѣ отъ него тьмою
Вся своя воя прикрыты,
И рече Игорь къ дружинѣ своей:
„Братіе и дружино!
Луцежъ бы потяту быти,
Неже полонену быти:
А всядемъ, братіе,
На свои бръзыя комони,
Да позримъ синего Дону."

Спала Князю умь похоти,
И жалость ему знаменіе заступи
Искусити Дону великаго.
„Хощу бо, рече, копіе приломити
Конець поля Половецкаго
Съ вами, Русици:
Хощу главу свою приложити,
А любо испити шеломомь Дону!"

Князь Игорь взглянулъ на дневнōе свѣтило
И видя, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
И такъ — на коней и за новою славой,
Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце запало желанье
Напиться изъ Дона-рѣки —
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнётомъ душевной тоски.

«Хочу я копьё моё — молвилъ — далече
Въ Землѣ Половецкой сломить:
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испить!»

О Боѧне,
Соловію стараго времени!
Абы ты сіа плъкы ꙋщекоталъ,
Скача славію по мысленꙋ древꙋ,
Летаѧ ꙋмомъ подъ облакы,

Свиваѧ славы оба полы сего времени,
Рища въ тропꙋ Троѧню
Чресъ полѧ на горы.

Пѣти было пѣсь Игореви,
Того (Олга) внꙋкꙋ.

Не бꙋрѧ соколы занесе чрезъ полѧ широкаѧ:

Галици стады бѣжать къ Донꙋ великомꙋ.

Чили въспѣти было,
Вѣщей Боѧне, Велесовь внꙋче:
Комони ржꙋть за Сꙋлою;
Звенить слава въ Кыеве;
Трꙋбы трꙋбѧть въ Новѣградѣ;
Стоѧть стѧзи въ Пꙋтивлѣ.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече емꙋ Бꙋй-Тꙋръ Всеволодъ:
„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ
Свѣтлый ты Игорю!
Оба есвѣ Свѧтъславличѧ!

Тебѣ бы, Боянъ, разсказать про сраженья,
Соловушко прежнихъ вѣковъ,
Носясь соловьёмъ по вѣтвямъ вдохновенья,
Касаясь умомъ облаковъ,

Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ!

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
Про Ольгова внука дѣла!
Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколо̀въ занесла:

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ, изъ невѣдомыхъ странъ...
Иль, можетъ, начать мнѣ такими стихами,
Велесовъ [1]) внукъ, вѣщій Боянъ:

Ржутъ борзые кони за тихой Сулѐю;
Въ Новѣ-градѣ [2]) трубы трубятъ;
Гремитъ стольный Кіевъ молвой боевою;
Въ Путивлѣ знамёна шумятъ:

Князь Игорь ждётъ брата, буй-туръ [3]) Всеволо̀да [4]) —
И тотъ ему молвитъ въ привѣтъ:
«Мы оба съ тобой Святославова рода!
Ты братъ мой единый и свѣтъ!

Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони,

А мои ти готови,
Осѣдлани у Курьска на переди.

А мои ти Куряни свѣдоми къ мети,
Подъ трубами повити,
Подъ шеломы въззлелѣяны,
Конець копія въскръмлени;

Пути имь вѣдоми,
Яругы имь знаеми,
Луци у нихъ напряжени,
Тули отворени,
Сабли изострени;

Сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ,

Ищучи ссбѣ чти, а Князю славѣ."

Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень

И поѣха по чистому полю.

Солнце ему тъмою путь заступаше;
Нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди;

Свистъ звѣринъ въ стазби;
Дивъ кличетъ връху древа:

«Вели — пусть коней твоихъ борзыхъ сѣдлаютъ;
Мои же, мой первенецъ-братъ,
Давно ужь подъ Курскомъ тебя поджидаютъ,
Осѣдланы въ полѣ стоятъ.

«Куряне жь мои, удалые куряне
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани
И вскормлены съ копій стальныхъ.

«Дорóги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣлàми,
Булатныя сабли въ рукахъ;

«И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почёту добыть.»

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ
И ѣдетъ равниной степной;
Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною синею тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей,

Велитъ послꙋшати
Земли незнаемѣ —
Влъзѣ, и по морію,
И по Сꙋлію, и Сꙋрожꙋ, и Корсꙋню,
И тебѣ, Тьмꙋтораканьскый блъванъ.

А Половци неготовами дорогами
Побѣгоша къ Донꙋ великомꙋ;

Крычатъ тѣлѣгы полꙋнощы,
Рци лебеди роспꙋщени.

Игорь къ Донꙋ вои ведетъ;

Уже бо бѣды его пасетъ птиць;

Подобію влъци грозꙋ въсрожатъ по ѧрꙋгамъ;

Орли клектомъ на кости звѣри зовꙋтъ;

Лисици брешꙋтъ на чрълеными щиты.

О Рꙋскаѧ земле!
Уже за Шеломѧнемъ еси!
Длъго. Ночь мркнетъ,
Зарѧ свѣтъ запала,
Мъгла полѧ покрыла,
Щекотъ славій ꙋсне,
Говоръ галичь ꙋбꙋди.

Чтобъ вóлнамъ Сурожа [5]) и вамъ, поморяне,
Дать вѣсть за далёкой землёй,
Корсуню [6]) и идолу въ Тьмутараканѣ [7])
И Волгѣ съ Сулóю-рѣкой.

А половцы пó полю тѣсной толпою
Къ великому Дону спѣшатъ.
Какъ рѣзкій крикъ лебедя поздней порою,
Возы ихъ дорогой скрипятъ.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ
На трупы изъ дебрей лѣсныхъ;
И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,
Блуждая въ оврагахъ крутыхъ;

Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ —
На красные лаютъ щиты.
О, Русь! о, родная! ужь ты за курганомъ!
Спускается ночь съ высоты;

Заря, чуть мерцая, вдали догораетъ;
Поля покрываются мглой;
Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ;
Крикъ галочій слышенъ порой.

Русичи великая поля
Чрьлеными щиты прегородиша,

Ищучи себѣ чти, а Князю славы.

А русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами
И славы отважнымъ князьямъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВТОРОЙ.

[1]) Велесъ — богъ скотоводства. Почему же здѣсь Боянъ названъ его внукомъ — неизвѣстно, хотя нѣкоторые толкователи «Слова» и силились объяснить эту загадочную фразу.

[2]) Новгородъ-Сѣверскій — резиденція Игоря, героя поэмы.

[3]) *Буй-туръ* или *яръ-туръ*, какъ сказано въ «Словѣ», собственно — дикій быкъ или буйволъ (urus, bubalus). Нынѣ эта красивая и весьма рѣдкая порода называется — зубрами и водится въ одной Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губерніи). Здѣсь пѣвецъ Игоря уподобляетъ храбрѣйшаго изъ князей того времени — красивѣйшему и сильнѣйшему изъ животныхъ, то-есть, иносказательно, называетъ его богатырёмъ и героемъ.

[4]) Всеволодъ Святославичъ Курскій и Трубчевскій, младшій братъ Игоря, героя поэмы. Скончался въ 1196 году; въ супружествѣ имѣлъ дочь князя Глѣба Юрьевича Переяславскаго.

[5]) Азовское море или Судакъ въ Крыму.

[6]) Древній Херсонесъ Таврическій.

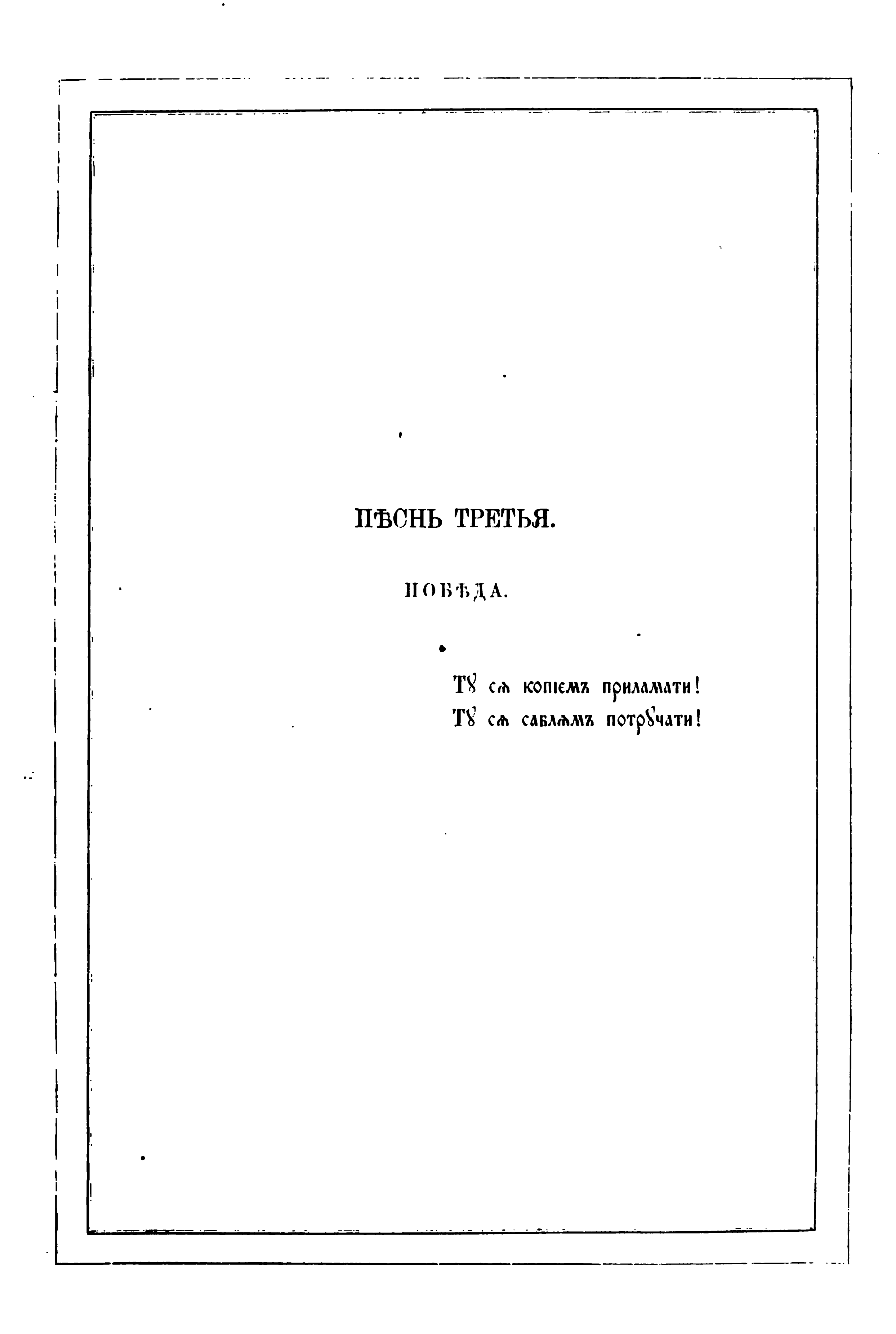
[7]) Тьмутаракань былъ княженіемъ нашихъ обдѣлённыхъ владѣтелей и находился гдѣ-то около Азовскаго моря, такъ-какъ въ «Патерикѣ», въ житіи св. Никона, островъ Тамань названъ тьмутараканскимъ. По кончинѣ Олега, онъ былъ завоёванъ половцами.

КАРТ. ЗАВ. А. ИЛЬИНА.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.П.Б. 24 НОЯБР. 1875 Г.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ПОБѢДА.

Тꙋ сѧ копіемъ приламати!
Тꙋ сѧ саблѧмъ потрꙋчати!

Съ заранія въ пяткъ потопташа
Поганыя плъкы Половецкыя,
И, рассушясь стрѣлами по полю,

Помчаша красныя дѣвкы Половецкыя,
А съ ними злато и паволокы
И драгыя оксамиты.

Орьтъмами и япончицами и кожухы
Начашя мосты мостити
По болотомъ и грязивымъ мѣстомъ
И всякыми узорочьи половѣцкыми.
Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь,
Чрьлена чолка, сребрено стружіе —
Храброму Святъславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо...
Далече залетѣло...

Въ пятницу утромъ разбили они половецкія
рати
И, разсѣясь стрѣлàми по чистому полю, помчали
Красныхъ дѣвицъ половецкихъ съ собою, а съ
ними и бархатъ
Цѣнный, и золото въ слиткахъ, и разныя ткани.
Плащами жь,
Шубами, юртами — гати гатили, мосты настилали
Въ топкихъ мѣстахъ и по грязнымъ болотамъ.
Червлённое знамя
Съ бѣлой хоругвью [1]), красная чолка [2]) съ серебрянымъ древкомъ —
Храбраго Игоря доля. Чутко средь чистаго
поля
Дремлетъ Олега гнѣздо удалое — далече умчалось.

Не былонъ обидѣ порождено
    Ни соколу, ни кречету,
    Ни тебѣ, чрьный воронъ,
    Поганый Половчине!
    Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ;
Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
Чрьныя тучя съ моря идутъ,
Хотятъ прикрыти д҃ солнца;
А въ нихъ трепещуть синии млънии:
    Быти грому великому,
Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго.

Ту ся копіемъ приламати,
Ту ся саблямъ потручяти
О шеломы половецкыя,
    На рѣцѣ на Каялѣ,
    У Дону великаго.
    О, Руская землѣ!
Уже не Шеломянемъ еси.
Се вѣтри, Стрибожи внуци,
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрыя плъкы Игоревы!
    Земля тутнетъ,
    Рѣкы мутно текуть;
    Пороси поля прикрываютъ;
    Стязи глаголютъ;

Нѐ на обиду ни соколу-птицѣ, ни кречету
злому,
Нѐ на обиду тебѣ породилось оно, половчанинъ
поганый,
Воронъ зловѣщій! А Гзакъ [3]) ужь бѣжитъ сиро-
махою волкомъ;
Хищный Кончакъ ему слѣдъ пролагаетъ къ
великому Дону.

Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарёю;

Чорныя тучи отъ моря идутъ — закрываютъ
четыре
Солнца [4]); въ нихъ синія молніи блещутъ: быть
сильному грому,
Литься дождю стрѣлàми съ великаго Дона.
Тамъ-то
Копьямъ стальнымъ поломаться! тамъ-то мечамъ
притупиться
О половецкіе шлемы — на рѣчкѣ Каялѣ, у
Дона!
Русь, уже ты́ подъ курганомъ! Чу, вѣтры, Стри-
боговы [5]) внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлàми на храброе русское
войско.
Стонетъ земля, помутилися рѣки, поля покры-
ваетъ
Пыль и лепечутъ знамёна: то половцы йдутъ
отъ Дона,

Половци идꙋтъ отъ Дона, и отъ морѧ,
И отъ всѣхъ странъ.
Рꙋскыѧ плъкы отстꙋпиша.
Дѣти бѣсови кликомъ полѧ прегородиша,
А храбріи Рꙋсици
Преградиша чрълеными щиты.

Ꙗръ тꙋре Всеволодѣ!
Стоиши на борони,
Прыщеши на вои стрѣлами,
Гремлеши о шеломы мечи харалꙋжными.

Камо Тꙋръ поскочаше,
Своимъ златымъ шеломомъ посвѣчиваѧ,
Тамо лежатъ поганыѧ головы половецкыѧ;

Поскепаны саблѧми калеными
Шеломы Оварьскыѧ
Отъ тебе, Ꙗръ Тꙋре Всеволоде!

Каѧ раны дорога, братіе,
Забывъ чти и живота
И града Чрънигова,
Отнѧ злата стола,
И своѧ милыѧ хоти красныѧ Глѣбовны
Свычаѧ и обычаѧ?

Идутъ отъ моря, отвсюду и наши полки окружаютъ.
Бѣсовы дѣти кликомъ побѣднымъ поля оградили;
Русское жь войско щитами червлёнными ихъ заслонило.
Всеволодъ буйный, ты бьёшься въ переднемъ отрядѣ, стрѣлами
Прыщешь на хищныхъ враговъ и гремишь объ ихъ шлемы мечами;
Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золочёнымъ шеломомъ
Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія головы грудой;
Тамъ, пополамъ разсѣчённые саблей булатной твоею,
Всеволодъ доблестный, падаютъ въ прахъ ихъ аварскіе шлемы.
Братцы, какой побоится онъ раны, когда онъ для славы
Всё позабылъ — и почётъ, и весёлую жизнь, и Черниговъ
Городъ, и отчій престолъ золотой, и своей ненаглядной
Глѣбовны [6]), милой супруги, привѣтъ и обычныя ласки?

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ТРЕТЬЕЙ.

[1]) «Хорюговь — знамя Спаса или Святого покровителя войска». (Вельтманъ.)

[2]) Вѣроятно, то же, что турецкій бунчукъ, то-есть — знамя съ навязанными на нёмъ конскими волосами, такъ-какъ у насъ и теперь часть конской гривы называютъ чолкою.

[3]) Гзакъ и Кончакъ — ханы половецкіе.

[4]) «Для пѣвца Игорева вещественный неодушевлённый міръ — образъ міра духовнаго: *чорныя тучи* — половцы, *четыре солнца* — четыре князя дружины игоревой, то-есть — самъ онъ, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій и Владиміръ Путивльскій, сынъ Игоря.» (Дубенскій.)

[5]) Стрибогъ, онъ же Позвиздъ, славянскій Эолъ, богъ бурь и непогодъ.

[6]) Ольга Глѣбовна — супруга Всеволода, дочь князя Глѣба Юрьевича Кіевскаго и сестра Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ ПѢВЦА ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Погибашеть жизнь Даждь-Божа вн8ка.

Были вѣчи Трѡѧни,
Минꙋла лѣта Ѫрославлѧ;
Были плъци Олговы,
Ольга Свѧтьславличѧ.

Тъй бо Олегъ мечемъ крамолꙋ коваше,
И стрѣлы по земли сѣѧше,
Стꙋпаетъ въ златъ стремень
Въ градѣ Тьмꙋтороканѣ.

Тоже звонъ слыша давнїй велкый
Ѫрославъ сынъ Всеволожь;
А Владимѣръ по всѧ ꙋтра
Уши закладаше въ Черниговѣ.

Бориса же Вѧчеславлича
Слава на сꙋдъ приведе,
И на канинꙋ зеленꙋ паполомꙋ постла,
За обидꙋ Олговꙋ

Прошли трояновы вѣка,
Минуло время Ярослава,
Не стало ѻльгова полка —
Олега [1]), сына Святослава:
Мечёмъ крамолу онъ ковалъ,
Стрѣлами землю засѣвалъ.

Когда въ родномъ Тьмутаракани
Онъ въ стремя бранное вступалъ,
Тогда призывнымъ звукамъ брани
Великій Всеволодъ внималъ,
Межь-тѣмъ какъ каждою зарёю
Въ своихъ твердыняхъ, за Десною,
Владиміръ [2]) уши затыкалъ.

И привела на судъ свой слава
Бориса [2]), сына Вячеслава,
И положила на ковёръ —
На бархатъ конскаго покрова —

Храбра и млада князя.

Съ тояже Каялы
Святоплъкь повелѣя отца своего
Междю Угорьскими иноходьцы
Ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

Тогда при Олзѣ Гориславличи

Сѣяшется и растяшеть усобицами;

Погибашеть жизнь Даждь-Божа внука,
Въ княжихъ крамолахъ
Вѣци человѣкомь скратишась.

Тогда по Руской земли
Рѣтко ратаевѣ кикахуть,
Нъ часто врани граяхуть,
Трупіа себѣ дѣляче;

А галици свою рѣчь говоряхуть,

Хотять полетѣти на уедіе.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы;

А сице и рати не слышано.

За оскорбленье, за позоръ
Олега, князя молодого.
И Святополкъ [5]) съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ [6]) коняхъ
Къ стѣнамъ Софіевскаго храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ — кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили, горемъ разростались;
И погибала жизнь людей,
Внучатъ могучаго Даждь-бога [8])
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вòроны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Ещё на Рýси не слыхали.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ.

[1]) Олегъ Святославичъ — дѣдъ Игоря, героя поэмы, бывшій, вмѣстѣ съ своимъ крамольнымъ братомъ, Романомъ Святославичемъ Краснымъ, главнымъ виновникомъ междоусобныхъ войнъ того времени. Княжилъ въ Тьмутараканѣ съ 1065 по 1114 годъ; умеръ 1-го августа 1115 года.

[2]) Всеволодъ Ярославичъ I — великій князь кіевскій.

[3]) Владиміръ Мономахъ — доблестный защитникъ Земли Русской отъ половцевъ, княжившій сначала въ Черниговѣ, а съ 1113 по 1125 годъ бывшій великимъ княземъ кіевскимъ.

[4]) Борисъ Вячеславичъ, сынъ Вячеслава Ярославича Смоленскаго. Былъ убитъ въ 1708 году, въ сраженіи при селѣ Нѣжатинѣ (Нѣжинѣ).

[5]) Святославъ Изяславичъ, сынъ великаго князя кіевскаго Изяслава, убитаго въ сраженіи на Нѣжатиной нивѣ.

[6]) Угорскихъ — венгерскихъ.

[7]) Пѣвецъ Игоря того же Олега Святославича (см. примѣч. 1-е) называетъ отъ себя — *Гориславичемъ*, какъ названа Рогнѣда, супруга Владиміра I — *Гориславою*.

[8]) Этимъ именемъ назывался кумиръ, боготворимый нѣкогда въ Кіевѣ. По мнѣнію графа Мусина-Пушкина, «пользовавшіеся благоденствіемъ, какъ даромъ дождь-божіевымъ, назывались его внуками».

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.ПБ. 24 НОЯБР. 1875 Г.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

ПОРАЖЕНІЕ.

Что ми шꙋмить,
Что ми звенить
Далеча рано предъ зорѧми?

Съ зараніа до вечера,
Съ вечера до свѣта
Летѧтъ стрѣлы каленыѧ,
Гримлютъ сабли о шеломы,
Трещатъ копіа харалꙋжныѧ,

Въ полѣ незнаемѣ
Среди земли Половецкыи.

Чръна з̇емлѧ подъ копыты
Костьми была посѣѧна,
А кровію польѧна:

Тꙋгою взыдоша по Рꙋской земли.

Что ми шꙋмить,
Что ми звенить
Давечѧ рано предъ зорѧми?

Вплоть до вечера съ разсвѣта
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещатъ,
Свищутъ стрѣлы каленыя,
Сабли острыя гремятъ
О шеломы боевые,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Степь подъ конскими ногами
Вкругъ засѣяна костями,
Алой кровью политà
И — той кровію сыта —
Роковой взошла бѣдою
По-надъ Русскою землёю.

Чтò за топотъ, чтò за звонъ [1])
Рано утромъ, предъ зарёю?

Игорь плъкы заворачаеть:

Жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день,
Бишася другый:

Третьяго дни къ полуднию
Падоша стязи Игоревы.

Ту ся брата разлучиста
На брезѣ быстрой Каялы.

Ту кроваваго вина не доста;

Ту пиръ докончаша
Храбрии Русичи:

Сваты попоиша,
А сами полегоша
За землю Рускую.

Ничить трава жалощами,

А древо стугою
Къ земли преклонилось.

Это Игорь! — это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бились день — не отступали,
Храбро билися другой,
Въ третій — въ полдень — подъ грозой
Стяги княжескіе пали [2]).
Тутъ на берегѣ, гдѣ бились
Оба брата разлучились,
Гдѣ — гульлива и буйна —
Мчится быстрая Каяла [3]).
Тутъ кроваваго вина
Не хватило, не достало;
Тутъ, у вражеской рѣки,
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданыхъ сватовъ напоили,
И — за честь своей земли —
Сами трупами легли.

Вянетъ нá полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЯТОЙ.

---

[1]) Подъ словомъ «звонъ» надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ. *Звонить* значило сзывать народъ на вѣче, дружину на рать; а *звонъ слышать* — идти на зовъ, готовиться къ оборонѣ.

[2]) Стягъ — главное войсковое, сборное знамя.

[3]) Нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Азовское море.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ПЛАЧЪ ПѢВЦА.

Тоска разлiѧсѧ по Рꙋской земли.

Уже бо, братіе,
Не веселая година въстала,
Уже пꙋстыни силꙋ прикрыла.
Въстала обида
Въ силахъ Даждь-Божа внꙋка.
Вступилъ дѣвою
На землю Трояню,
Въсплескала лебедиными крылы
На синемъ море ꙋ Донꙋ плещꙋчи:

Убꙋди жирна времена.

Усобица Княземъ на поганыя погыбе,

Рекоста бо братъ братꙋ:
Се мое, а то моеже;
И начаша Князи про малое —
Се великое млъвити,

Наступило, братцы, времечко,
Наступило не весёлое:
Степь прикрыла силу ратную.
Возстаётъ обида кровная
Въ силахъ племени даждь-божьяго,
Разражается несчастьями,
И, вступивши на Троянову
Землю дѣвой, громко крыльями
Заплескала лебедиными
На Дону, у моря синяго:
Пробудила время тяжкое.

Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
На поганыхъ; вмѣсто дружества,
Сталъ братъ брату поговаривать:
«То моё, моё и это всё!»
Стали спорить межь собой князья
За пустое какъ за важное

А сами на себѣ крамолȣ ковати:
А поганіи съ всѣхъ странъ
Прихождахȣ съ побѣдами
　　На землю Рȣскȣю.

О! далече зайде соколъ,
　　Птиць бьѧ къ морю:
А Игорева храбраго плъкȣ не крѣсити.

За нимъ кликнȣ Карна и Жлѧ,
Поскочи по Рȣской земли,
Смагȣ мычючи въ пламѧне розѣ.

Жены Рȣскіѧ въсплакашась, аркȣчи:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
　　Ни мыслію смыслити,
　　Ни дȣмою сдȣмати,
　　Ни очима съглѧдати,
А злата и сребра ни мало того потрепати.

А въстона бо, братіе, кіевъ тȣгою,
　　А Черниговъ напастьми;

Тоска разліѧсѧ по Рȣской земли.

Печаль жирна тече средь земли Рȣскый.

А Кнѧзи сами на себѣ крамолȣ ковахȣ;

И крамолу на себя ковать.
А поганые со всѣхъ сторонъ
Между-тѣмъ, какъ побѣдители,
Приходили въ Землю Русскую.

О! далёко залетѣлъ соколъ,
Птицъ сгоняя къ морю синему:
Ужь дружинѣ храброй Игоря
Не воскреснуть. По слѣдамъ ея
Жля и Карна [1]) громко крикнули,
Понеслись Землёю Русскою
И изъ рога огне-мётнаго
Извергали пламя лютое.

Зарыдали жоны русскія,
Приговаривая жалобно:
«Видно ужь не взмыслить мыслію,
Видно ужь не вздумать думою,
Ни очами, видно, болѣе
Не увидѣть намъ мужей своихъ;
Серебромъ и звонкимъ золотомъ
Не бренчать намъ, не побрякивать!»

Возстоналъ такъ Кіевъ скорбію,
А Черниговъ подъ напастями;
Разлилась тоска тяжолая
По Руси — и горе лютое
Затопило Землю Русскую.
А межь-тѣмъ какъ князья русскіе

А погании сами победами нарищуше
    На Рускую землю,

Емляху дань по беле отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича,
    Игорь и Всеволодъ,
    Уже лжу убуди,
    Которую то бяше
    Успилъ отецъ ихъ
    Святъславь грозный
    Великый Кіевскый.

    Грозою бяшеть,
Притрепеталъ своими сильными плъкы
    И харалужными мечи;

Наступи на землю Половецкую,
    Притопта хлъми и яругы,
    Взмути реки и озеры,
Иссуши потоки и болота,

А поганаго Кобяка изъ луку моря
    Отъ железныхъ, великихъ
    Пълковъ половецкихъ,
    Яко вихръ, выторже:

И падеся Кобякъ въ граде Кіеве,
    Въ гридницѣ Святъславли.

Межъ собою только ссорились,
Наши вороги поганые
Приходили въ Землю Русскую
И съ дворовъ, какъ побѣдители,
Собирали дань постыдную —
По одной по бѣлкѣ [2]) съ каждаго.
Потому-что Святославичи,
Всеволодъ и Игорь храбрые,
Вновь вражду неукротимую
Пробудили — ту, которую
Усыпилъ-было родитель ихъ [3]),
Святославъ великій Кіевскій.

Онъ заставилъ хищныхъ половцевъ
Трепетать, какъ передъ бурею,
Предъ своею ратью сильною,
Передъ саблями булатными.
Наступилъ ногою твёрдою
Онъ на Землю Половецкую,
Притопталъ холмы съ оврагами,
Возмутилъ озёра съ рѣками,
Изсушилъ ключи съ болотами
И исторгъ изъ лукоморія [4])
Кобяка [5]) ихъ нечестиваго,
Изъ средины половецкаго
Войска сильнаго, несмѣтнаго —
И Кобякъ безсильнымъ плѣнникомъ
Очутился въ стольномъ Кіевѣ,
Во дворцѣ велико-княжескомъ.

Тꙋ Нѣмци и Венедици,
Тꙋ Греци и Морава
Поютъ славꙋ Свѧтъславлю,
Каютъ Кнѧзѧ Игорѧ,
Иже погрози жиръ
Во днѣ Каѧлы
Рѣкы Половецкыѧ,
Рꙋскаго злата насыпаша.
Тꙋ Игорь Кнѧзь
Высѣдѣ изъ сѣдла злата,
А въ сѣдло Кощієво.
Уныша бо градомъ забралы,
А веселіє пониче.

Греки и купцы нѣмецкіе,
И моравцы съ веницейцами
Пѣли славу Святославову
И хулили князя Игоря,
Потопившаго въ Каяль-рѣкѣ
Половецкой силу ратную,
Вмѣстѣ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
Гдѣ онъ, храбрый Игорь Сѣверскій,
Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.

Пріуныли стѣны крѣпкія,
Омрачилося веселіе.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ШЕСТОЙ.

[1]) Жля и Карна — ханы половецкіе.

[2]) Половцы, полагая дань съ двора, вѣроятно брали шкурами бѣлокъ, какъ и нынѣ собирается дань съ кочующихъ народовъ Сибири куницами, бѣлками, соболями. Хотя въ то время, кромѣ иностранныхъ монетъ, были и русскія деньги въ обращеніи, но ихъ такъ было мало, что въ торговлѣ замѣняли ихъ шкурами дорогихъ звѣрей.

[3]) Здѣсь великій князь Кіевскій Святославъ III названъ отцомъ Игоря и Всеволода — по старшинству, хотя, собственно, онъ былъ ихъ двоюроднымъ братомъ.

[4]) Такъ назывался морской *излучистый* берегъ, имѣющій видъ *лука* или дуги. Одна изъ ордъ половецкихъ, обитавшая близъ лукоморія, называлась — лукоморскою.

[5]) Ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

[illegible]

[illegible] ЗАР.А ИЛЬИНА.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

Два солнца помѣркоста,
Оба багрѧнаѧ стлъпа погасоста.

А Свѧтъславь мꙋтенъ сонъ видѣ:
Въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера
Одѣвахъте мѧ, рече,
Чръною паполомою,
На кроваты тисовѣ.
Чръпахꙋть ми синее вино
Съ трꙋдомь смѣшено;
Сыпахꙋть ми тъщими тꙋлы
Поганыхъ тльковинъ великый жемчюгь на лоно,
И нѣгꙋють мѧ.
Уже дьскы безъ кнѣса
В моемъ теремѣ златовръсѣмъ.

Всю нощь съ вечера
Босꙋви врани възграѧхꙋ,
У Плѣсньска на болоии
Бѣша дебрь Кисаню,
И не сошлю къ синемꙋ морю.

Худой Святославу привидѣлся сонъ:
«Мнѣ снилось — боярамъ разсказывалъ онъ —
Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,
Въ горахъ надъ Днѣпромъ,
Меня одѣвали вы чорнымъ покровомъ
И съ синимъ виномъ
Отраву мѣшали,
И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали;
И будто бы жемчугъ колчаномъ пустымъ
Изъ раковинъ черпали вы чередою,
И тѣмъ жемчугóмъ дорогимъ
Меня осыпáли, смѣясь надо мною;
И что въ златоверхихъ палатахъ моихъ
Безъ матицы доски лежали;
А бѣсовы вóроны дебрей глухихъ
Всю ночь, до разсвѣта, у Плѣнска [1]) кричали,
На выгонѣ злачныхъ луговъ городскихъ
И прочь не летѣли на синее море!»

И рекоша бояре Князю:

Уже, княже, туга умь полонила;

Се бо два сокола слетеста
Съ отня стола злата,
Поискати града Тьмутороканя,
А любо испити шеломомь Дону.

Уже соколома крыльца
Припешали поганыхъ саблями,
А самаю опутоша
Въ путины железны.

Темно бо бе въ г҃ день:
Два солнца померкоста,
Оба багряная стлъпа погасоста,
И съ нимъ молодая месяца —
Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста.

На реце на Каяле тьма светъ покрыла:
По Руской земли прострошася Половци,
Аки пардуже гнездо,
И въ море погрузиста,
И великое буйство подасть Хинови.

Уже снесеся хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю;
Уже връжеся дивь на землю.

«Увы! одолѣло насъ лютое горе!»
Бояре въ отвѣтъ:
Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,
Слетѣли съ родного
Стола золотого,
Собрáлись на брань —
Добыть изъ полона
Наслѣдственный Тьмутаракань,
Иль шлемомъ напиться изъ Дона.
Но крылья соколіи ихъ
Враги обрубили мечами,
А буйныхъ самихъ
Опутали крѣпко цѣпями.

«На третій день утро смѣнилося мглой,
Померкли два солнца подъ ризой ночной,
А съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —
Олегъ съ Святославомъ, два князя прекрасныхъ.
Заря на Каялѣ погасла во мглѣ:
Какъ барсы степные,
Разсѣялись половцы злые
По Русской Землѣ,
Въ пучину несчастій её погрузили
И хана на новую брань возбудили.

Хула помрачила хвалу,
Передъ силою воля склонилась,
И диво-сова, сквозь полнóчную мглу,
На землю спустилась...

Се бо Готскія красныя дѣвы
Въспѣша на брезѣ синему морю;
Звоня Рускымъ златомъ,
Поютъ время Бусово,
Лелѣютъ месть Шароканю,
А мы уже дружиня жадни веселія.

Тогда Великій Святславъ
Изрони злато слово слезами смѣшсно,
И рече:
О моя сыновчя Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала
Половецкую землю мечи цвѣлити,
А себѣ славы искати.
Нъ нечестно одолѣсте:
Нечестно бо кровь поганую пролiясте.
Ваю храбрая сердца
Въ жестоцемъ харалузѣ скована,
А въ буести закалена.
Се ли сотвористе моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго
И многовои брата моего Ярослава,
Съ Черниговьскими былями,
Съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры,
И съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы.
Тіи бо бес щитовь съ засапожинвы
Кликомъ плъкы побѣждаютъ,
Звонячи въ прадѣднюю славу.

Чу! готскія [2]) дѣвы у моря запѣли
Про Буса [3]), бойца своего,
Про месть Шароканову [4]), время его —
И золотомъ русскимъ звенѣли.
А вѣрной дружинѣ твоей суждено,
Знать, горькое-горе одно!»

А князь отвѣчалъ имъ такими рѣчами,
Мѣшая слова золотыя съ слезами:
«О, Игорь и Всеволодъ, дѣти мои!
Не впору вы противъ Земли Половецкой
Мечи обнажили свои,
Гоняясь за славой — молвой молодецкой:
Безславно своихъ вы сломили враговъ,
Безславно поганую пролили кровь!
Изъ стали сердцà ваши скованы были,
А время и мужество ихъ закалили...
И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?

«И вотъ ужь враги полонили
Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами былей [5]),
Съ черниговской ратью своей?
Гдѣ наши могуты, татраны, ревуги,
Шельбиры, топчаки, ольберы? [6]) гдѣ, други,
Они — побѣждавшіе крикомъ враговъ,
Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
Гремѣвшіе дѣдовской славой?

Нъ рекосте: мꙋ жа имѣсѧ сами,
Преднюю славꙋ сами похитимъ,
А задиюю сѧ сами подѣлимъ.

А чи диво сѧ, братіє,
Старꙋ помолодити?
Коли соколъ въ мытехъ бывлетъ,
Высоко птицъ възбивлетъ;
Не дастъ гнѣзда своего въ обидꙋ.

Нъ се зло Кнѧже ми не пособіє;
На ниче сѧ годины обратиша.

Се ꙋ Римъ кричатъ
Подъ саблѧми Половецкыми,
А Володимиръ подъ ранами.
Тꙋга и тоска сынꙋ Глѣбовꙋ!

Но вы говорили: «на подвигъ кровавый
Одни мы пойдёмъ, какъ въ минувшіе дни,
Прошедшую славу добудемъ одни,
Одни и грядущей подѣлимся славой!»
А развѣ нельзя на своёмъ на вѣку
Быть вновь молодымъ старику?
Когда ясный соколъ линяетъ,
Онъ птицъ высокó загоняетъ,
И ужь никогда
Въ обиду не дастъ дорогого гнѣзда,
Да горе — въ князьяхъ мнѣ не помощь, а бремя:
Такъ всё измѣняетъ крылатое время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ [7]),
А съ нимъ и Владиміръ [8]), болѣзнью томимъ.
Нѣтъ, видно, печаль и кручина
Удѣлъ беззащитнаго Глѣбова сына!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ СЕДЬМОЙ.

[1]) Плѣнскъ — нынѣшній Плѣсковъ (въ Галиціи).

[2]) Готы ещё въ III вѣкѣ поселились въ Тавридѣ и были, около 1050 года, покорены половцами. Послѣ этого понятно, почему побѣда, одержанная половцами, могла доставить готскимъ дѣвамъ русское золото.

[3]) «Не назывался ли *Бусомъ* въ простонародіи *Болушъ*, ханъ половецкій, подъ предводительствомъ котораго, въ 1055 году, половцы входили первый разъ въ область Переяславскую?» (Дубенскій.)

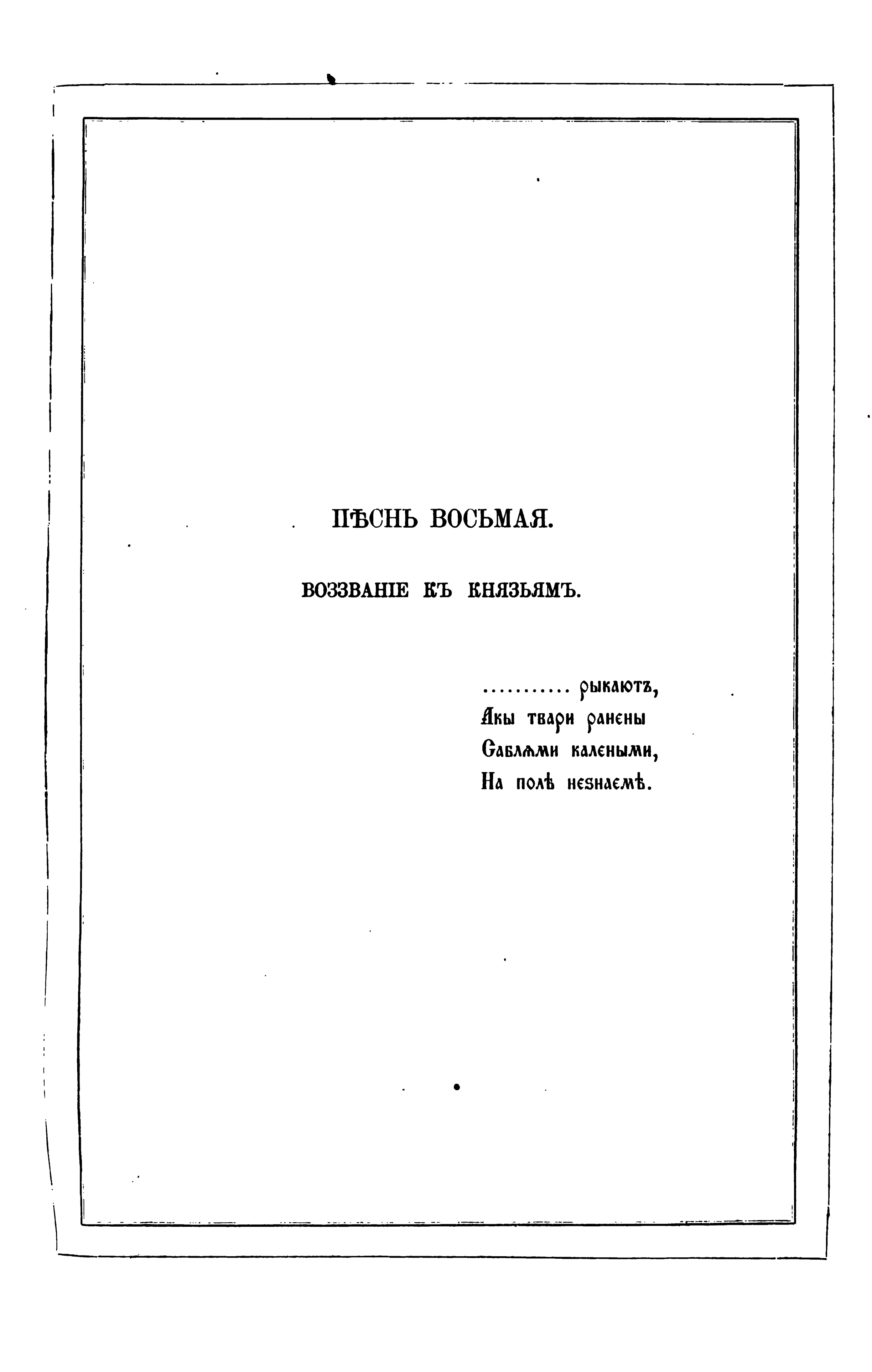
[4]) Шарокань или Шаракунъ — извѣстный полководецъ половецкій.

[5]) *Черниговскіе были*, какъ сказано въ «Словѣ», вѣроятно то же, что у лѣтописцевъ — *ковуи черниговскіе*. Ковуями же, какъ извѣстно, назывались наёмныя дружины торковъ и берендѣевъ, служившихъ черниговскимъ и другимъ князьямъ, и составлявшіе особые отряды.

[6]) Вѣроятно, особые отряды войскъ, названные по именамъ вождей, ими начальствовавшихъ. Такъ, напримѣръ, дружины торковъ и берендѣевъ назывались иногда по именамъ ихъ хановъ. То же, что у лѣтописцевъ: ковуи черниговзкіе, бастьева чадь, каепичи и проч.

[7]) Римъ — нынѣшій уѣздный городъ Полтавской губерніи — Ромны.

[8]) Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича и родной братъ супруги буй-туръ Всеволода — Ольги Глѣбовны.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

.... рыкаютъ,
Ꙗкы твари ранєны
Саблѧми калєными,
На полѣ нєѕнаємѣ.

Великый Княже Всеволоде!

Не мыслию ти прелетѣти издалеча
Отня злата стола поблюсти?

Ты бо можеши
Волгу веслы раскропити,

А Донъ шеломы выльяти.

А же бы ты былъ,

То была бы Чага по ногатѣ,
А Кощей по резанѣ.

Ты бо можеши посуху
Живыми шереширы стрѣляти —

Удалыми сыны Глѣбовы.

Великій князь Всеволодъ [1]) храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслáми людей,
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь — по ногатѣ [2])
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнёмъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба [3]), семьёю
Его сыновей удалыхъ.

Ты буи Рюриче и Давыде!

Не ваю ли злачеными шеломы
По крови плаваша?
Не ваю ли храбрая
Дружина рыкают,
Акы тури ранены
Саблями калеными,
На полѣ незнаемѣ?
Вступита Господина
Въ злата стремень —
За обиду сего времени,
За землю Рускую,
За раны Игоревы,
Буего Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
На своемъ златокованнѣмъ столѣ.

Подперъ горы Угорскыи
Своими желѣзными плъки,

Заступивъ Королеви путь,

Затвори къ Дунаю ворота,
Меча бремены чрезъ облаки,

Суды рядя до Дуная.

Ты, Рюрикъ [4]), отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненымъ турамъ
Концами калёныхъ мечей?

Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, Ярославъ [5]) именитый,
Князь Галицкій, славный умомъ!
Высоко сидишь ты на тронѣ,
На тронѣ своёмъ золотомъ.

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменья за тучи,
Ты путь королю [6]) заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротáми
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далёко простёръ свою власть.

Грозы твоя по землямъ текутъ;

Оттворяеши Киеву врата;

Стрѣляеши съ отня злата стола

Салтани за землями.

Стрѣляй, Господине, Кончака,
Поганаго Кощея —
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Буего Святславлича!

А ты буй Романе и Мстиславе!

Храбрая мысль носитъ
Васъ умъ на дѣло.

Высоко плаваеши
На дѣло къ буести,
Яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

Суть бо у валю желѣзными папорзи
Подъ шеломы латинскими.

Тѣми треснy земля,
И многи страны Хинова.

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далёкимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далёкой землѣ.

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ [7]) и Мстиславъ [8]) молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настигнуть вѣрнѣй;

Затѣмъ-что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужь многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.

Литва, Ꙗтвѧзи, Деремела и Половци
Сꙋлици своѧ поврьгоша,
А главы своѧ поклониша
Подъ тыи мечи харалꙋжныи.

Нъ ꙋже Кнѧже Игорю
Утрпѣ солнцю свѣтъ,

А древо не бологомъ листвіе срони:

По Росіи, по Сꙋли
Гради подѣлиша;
А Игорева храбраго
Плъкꙋ не крѣсити.

Донъ ти Кнѧже кличетъ,
И зоветъ кнѧзи на побѣдꙋ.
Олговичи храбрыи Кнѧзи
Доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ,
И вси три Мстиславичи,
Не хꙋда гнѣзда шестокрилци,

Непобѣдимыми жребіи
Собѣ власти расхытисте?
Кое ваши златыи шеломы
И сꙋлици Ляцкіи и щиты?
Загородите полю ворота

Ятвяги [9]), Литва, Деремела [10]),
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнётомъ булатныхъ мечей.

Князья! ужь померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:

Ужé городá подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ вь землѣ.

Князья, синій Донъ на побѣду
Зовётъ васъ, вздымая волну!
Отважныя Ольговы дѣти
Готовы идти на войну.

О, Ингварь и Всеволодъ! [11]) Трое
Васъ братьевъ — и всѣ вы бойцы:
Родного гнѣзда шестокрыльцы,
Гнѣзда не худого птенцы!

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти — желанной меты:
Къ чему жь золотые шеломы,
Къ чему вамъ стальные щиты?

Своими острыми стрѣлами —
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Буего Святъславлича!

Свои воротà оградите
Стрѣлáми отъ вражьихъ племёнъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВОСЬМОЙ.

[1]) Всеволодъ Юрьевичъ — великій князь Владимірскій на Клязьмѣ, въ княженіе котораго былъ походъ игоревъ; родной дядя Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

[2]) Ходячая мелкая монета того времени. Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ или 50 резанъ, слѣдовательно въ ногатѣ было $2^1/_2$ резаны: ногата на металлы равнялась нынѣшнему полтиннику, а резана — двугривенному.

[3]) Князья рязанскіе — Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, признавшіе, въ 1180 году, своимъ главою князя Владимірскаго Всеволода, съ которымъ они и ходили, въ 1183 году, на болгаръ.

[4]) Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи — внуки Мстислава Великаго.

[5]) Ярославъ Владиміровичъ, великій князь Галицкій (прозванный *осьмомысломъ*), тесть Игоря, героя поэмы.

[6]) Венгерскому.

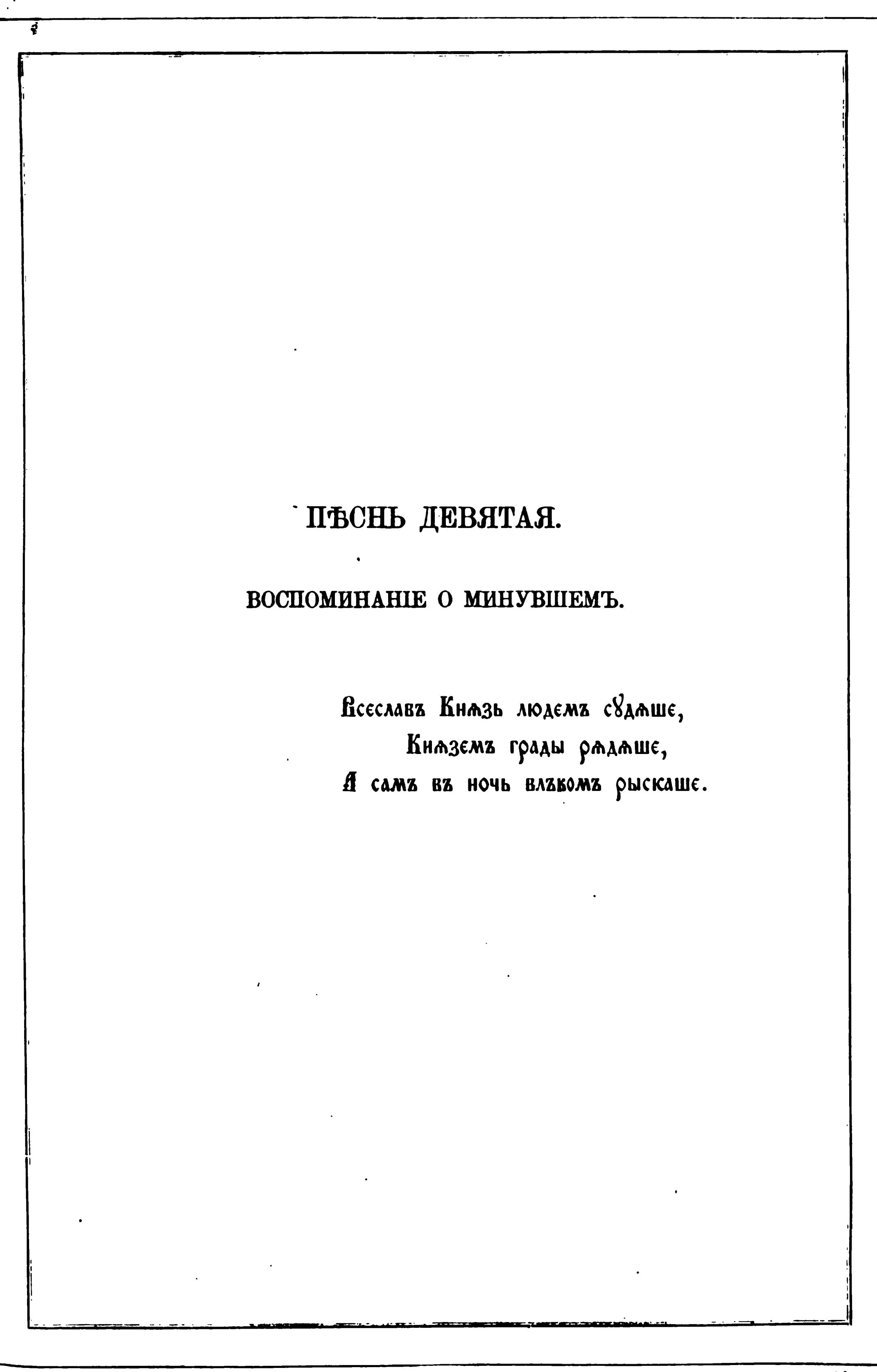
[7]) Романъ Мстиславичъ — князь Владимірскій на Волыни (впослѣдствіи, именно съ 1197 года, великій князь Галицкій). Онъ смирилъ ятвяговъ и много разъ ходилъ войною на литовцевъ. О нёмъ-то въ лѣтописяхъ сохранилась пословица: *Романе! худымъ живеши: Литвою ореши.*

[8]) Мстиславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Луцкаго и двоюродный братъ Романа.

[9]) Дикіе обитатели Подлѣсья (Подляшья).

[10]) Латинское племя.

[11]) Здѣсь рѣчь идётъ о трёхъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго: Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ здѣсь только два первые названы по имени, потому-что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВОСПОМИНАНIЕ О МИНУВШЕМЪ.

Всеславъ Кнѧзь людемъ сꙋдѧше,
Кнѧземъ грады рѧдѧше,
А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.

Уже бо Сула
Не течетъ серебреными струями
Къ граду Переяславлю,
И Двина болотомъ течетъ
Онымъ грознымъ Полочаномъ,
Подъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
Позвони своими острыми мечи
О шеломы Литовскія;
Притрепа славу дѣду своему Всеславу,
А самъ подъ чрълеными щиты
На кровавѣ травѣ
Притрепанъ Литовскими мечи.
И схоти ю на кровать, и рекъ:
„Дружину твою, Княже,
Птиць крилы пріодѣ,
А звѣри кровь полизаша.“

Ужь къ Переяславлю-городу рѣчка Сулà серебристыхъ
Струй не катитъ, и Двина болотомъ течетъ къ половчанамъ
Грознымъ, подъ кликомъ поганыхъ [1]).

Одинъ Изяславъ Василькòвичъ [2])
Въ шлемы литовскіе острымъ мечомъ позвонилъ и, затмивши
Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель литовскихъ;
Слёгъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину твою удалую
Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали!»

Не бысь тꙋ брата Брячяслава,
Ни дрꙋгаго Всеволода;

Єдинъ же изрони жемчꙋжнꙋ дꙋшꙋ
Изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе.

Уныли голоси, пониче веселіе.
Трꙋбы трꙋбятъ Городеньскіи.

Ярославе, и вси внꙋце Всеславли!
Уже понизить стязи свои,
Вонзить свои мечи вережени;

Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.

Вы бо своими крамолами
Пачясте наводити поганыя
На землю Рꙋскꙋю,
На жизнь Всеславлю.
Которое бо бѣше насиліе
Отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
Връже Всеславъ жребій
О дѣвицю себѣ любꙋ.

Тъй клюками подпръся о кони,
И скочи къ градꙋ Кыевꙋ,
И дотчеся стрꙋжіемъ

Ни Брячеслава съ нимъ нѐ было, ни Всеволо̀да: одинъ онъ
Выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго тѣла
Сквозь золотое своё ожерелье. Поникло веселье;
Смолкли печальныя пѣсни; трубятъ городѐнскія [3]) трубы...

Князь Ярославъ [4]) и вы внуки Всеслава! склоните знамёна
Долу; вложите мечи притуплённые: вы помрачили
Славу могучаго дѣда! Не вы ль приманили поганыхъ
Вашей крамолой на Русскую Землю, на племя Всеслава,
Чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье, какое ужь терпитъ
Русь отъ Земли Половецкой.

Въ вѣкѣ седьмомъ отъ Трояна
Кинулъ жребій Всеславъ [5]) о любимой имъ дѣвицѣ красной [6]);
И, не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня боевого,
Къ стольному Кіеву-городу онъ прискакалъ, и доткнулся

Злата стола Кіевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
Въ плъночи изъ Бѣла-града,
Обѣсися синѣ мглѣ,
Утръ же воззни стрикусы
Оттвори врата Нову-граду,
Разшибе славу Ярославу,
Скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами,
Молотятъ чепи харалужными,
На тоцѣ животъ кладутъ,
Вѣютъ душу отъ тѣла.

Немизѣ кровави брезѣ
Не бологомъ бяхуть посѣяни,
Посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.

Всеславъ Князь людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,
А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше;
Изъ Кыева дорискаше
До Куръ Тмутороканя;
Великому хръсови
Влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотскѣ
Позвониша заутренюю рано
У Святыя Софіи въ колоколы:
А онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

Древкомъ копья своего до его золотого престола.
Въ полночь оставилъ Бѣлъ-гòродъ, окутался синею мглою,
Кинулся звѣремъ — и скрылся; а утромъ, подвёзши стрикусы [7]),
Сшибъ новгородскіе створы, разбилъ ярославову славу...
Бросился волкомъ къ Немигѣ [8]) съ Дудутокъ... [9])
А на Нѣмигѣ
Головы стелютъ снопами, молотятъ стальными цѣпами,
Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ тѣла.

Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой засѣянъ
Былъ, а костями русскихъ сыновъ. Князь Всеславъ народу
Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города; а самъ волкомъ
Рыскалъ въ ночи́. Кидался изъ Кіева къ Тьмутаракани
И нерерыскивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу [10]).
Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутренѣ рано
Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ,
Нъ часто бѣды страдаше.

Тому вѣщій Боянъ
И пръвое припѣвку смысленный рече:

„Ни хытру, ни горазду,
Ни птицію горазду
Суда Божіа не минути."

О, стонати Руской земли,
Помянувше пръвую годину,
И пръвыхъ Князей!
Того стараго Владиміра
Не льзѣ бѣ пригвоздити
Къ горамъ Кіевскимъ:

Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
А др͛зіи Давидовы;

Нъ рози нося имъ хоботы пашутъ,
Копіа поютъ на Дунаи.

Благовѣстъ тотъ.

Хотя у иного и вѣщее сердце
Въ тѣлѣ, а часто страдаетъ. Ему-то разумную пѣсню
Вѣщій Боянъ нашъ сложилъ, что ни хитрый, ни умный, ни птица
Быстрая въ небѣ не минутъ суда правосуднаго Бога.

Какъ не стонать и не плакаться Русской Землѣ, вспоминая
Старое время и старыхъ князей! Нельзя жь было вѣчно
Въ Кіевѣ стольномъ Владиміру старому княжить: и нынѣ
Стяги его, доставшися Рюрику съ братомъ Давыдомъ,
Словно волы, запряжённые въ плугъ, подъ ярмомъ ненавистнымъ
Никнутъ, межъ-тѣмъ какъ тяжолыя копья свистятъ на Дунаѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДЕВЯТОЙ.

[1]) То-есть — литовцевъ.

[2]) Одинъ изъ князей Полоцкихъ, едва ли не сынъ Василька Рогволодовича, о которомъ лѣтописцы упоминаютъ подъ 1132 годомъ. О бѣдственной участи этого князя лѣтописи умалчиваютъ.

[3]) Мѣстечко Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ Васильковичъ, существуетъ и нынѣ въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью.

[4]) Такъ-какъ между именами князей Полоцкихъ нѣтъ Ярославовъ, то надо думать, что сочинитель обращаетъ здѣсь рѣчь къ Ярославу Владиміровичу, внуку Мстислава Великаго, подъ предводительствомъ котораго новгородцы, около 1190 года, воевали съ корелами.

[5]) Всеславъ Брячеславичъ, правнукъ Рогнѣды, наслѣдовалъ полоцкое княженіе въ 1044 году. Лѣтописецъ называетъ его злымъ, кровожаднымъ, и суевѣрно приписываетъ эту жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой Всеславомъ на головѣ для закрытія природной язвины.

[6]) Стихотворно — Кіевъ.

[7]) Стрикусы — стѣнобитное орудіе.

[8]) Нѣманъ.

[9]) Мѣстечко около Новгорода Великаго, гдѣ и теперь находится монастырь, такъ называемый — *на Дудуткахъ*.

[10]) Несторъ упоминаетъ о болванѣ Хорсѣ, которому поклонялись въ Кіевѣ до введенія христіанской вѣры. Нѣкоторые полагаютъ, что это былъ славянскій Марсъ, богъ войны.

А.ШАРЛЕМАНЬ

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Ярославнынъ гласъ слышитъ:
Зегзицею незнаемь, рано кычеть.

Ѧрославнынъ гласъ слышитъ:

Зєгзицєю нєзнаємь, рано кычєть:

„Полєчю — рєчє —
Зєгзицєю по Дȣнаєви;

Омочю бєбрѧнъ рȣкавъ
Въ Каѧлѣ рѣцѣ,

Утрȣ Кнѧзю кровавыѧ єго раны

На жєстоцѣмъ єго тѣлѣ.“

Ѧрославна рано плачєтъ
Въ Пȣтивлѣ на забороле,

Аркȣчи:

Звучный голосъ раздаётся
Ярославны [1]) молодой.
Стономъ горлицы несётся
Онъ предъ утренней зарёй:

«Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу —
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу:
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ.»

Такъ въ Путивлѣ изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

„О вѣтрѣ! вѣтрило!
Чему, Господине, насильно вѣеши?
Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы
На своею не трудною крилцю
На моея лады вои?

Мало ли ти бяшетъ
Горъ подъ облакы вѣяти,
Лелѣючи корабли на синѣ морѣ?

Чему, Господине,
Мое веселие по ковылию развѣя?"

Ярославна рано плачетъ
Путивлу городу на забороле,

Аркучи:

„О Днепре словутицю!

Ты пробилъ еси каменныя горы
Сквозѣ землю Половецкую.

Ты лелѣялъ еси на себѣ
Святославли носады
Да плъку Кобякова:
Възлелѣй, господине,
Мою ладу къ мнѣ,

«Вѣтеръ, что ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣлы ханскія вздымаешь,
Мечешь въ воиновъ родныхъ?
Иль тебѣ ужь на просторѣ
Тѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчать, лелѣять на волнахъ?
Для чего жь однимъ размахомъ
Радость лучшую мою
Ты развѣялъ лёгкимъ прахомъ
По степному ковылю?»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

«Днѣпръ мой славный! ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ:
На себѣ, сквозь всѣ преграды,
Ты лелѣяла, рѣка,
Святославовы [2]) насады [3])
До улусовъ Кобяка:
О, когда бъ ты вновь примчала
Друга къ этимъ берегамъ,

А быхъ не слала къ немꙋ
Слезъ на море рано.“

Ꙗрославна рано плачетъ
Въ Пꙋтивлѣ на заборолѣ,

Аркꙋчи:

„Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
Чемꙋ, господине,
Простре горѧчюю свою лꙋчю
На ладѣ вои?
Въ полѣ безводнѣ
Жаждею имь лꙋчи съпрѧже,
Тꙋгою имъ тꙋли затче?“

Чтобы я къ нему не слала
Слёзъ на море по утрамъ!»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй:

«Солнце ясное трикраты!
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучёмъ утраты
Войско милаго сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И что гнётъ тоски-недоли
На колчаны палегло?»

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДЕСЯТОЙ.

[1]) Евфросинія Ярославна, дочь князя Ярослава Владимірковича Галицкаго — вторая супруга Игоря, героя поэмы. Во время похода мужа ея на половцевъ, она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына своего Владиміра.

[2]) Здѣсь рѣчь идётъ о Святославѣ Всеволодовичѣ Кіевскомъ, двоюродномъ братѣ Игоря, и о его походѣ на половцевъ въ 1184 году, который, какъ извѣстно, окончился разбитіемъ Кобяка и плѣномъ самого хана.

[3]) Насады — суда, ладьи.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 24 НОЯБР. 1875 Г.

...АР. ЗАВ. А. [illegible]

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Князю Игорю не быть!

Прыснȣ море полȣнощи,
Идȣтъ сморци мьглами:
Игореви Кнѧзю Богъ пȣть кажетъ
Изъ земли Половецкой
На землю Рȣскȣю,
Къ отню златȣ столȣ.

Погасоша вечерȣ зари:
    Игорь спитъ,
    Игорь бдитъ,
Игорь мыслию полѧ мѣритъ
    Отъ великаго Донȣ
    До малаго Донца.
    Комонь въ полȣночи.
Овлȣръ свиснȣ за рѣкою —
Велитъ Кнѧзю разȣмѣти.
    Кнѧзю Игорю не быть.

Въ полночь море взволновалося,
Небо тучами покрылося:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ Землю Русскую,
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная — вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь поле мѣритъ мыслію,
Что отъ Дону отъ великаго
До Донца-рѣки до малаго.

Конь готовъ и ждётъ съ полуночи.
Овлуръ [1]) свистнулъ за рѣкой вдали —
Подаётъ вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не откликнулся.

Кликнꙋ стꙋкнꙋ землꙗ:
Въшꙋмѣ трава;
Вежи сꙗ Половецкіи подвизашасꙗ.

А Игорь Кнꙗзь
Поскочи горнастаемъ къ тростію,
И бѣлымъ гоголемъ на водꙋ;

Въвржесꙗ на бръзъ комонь,
И скочи съ него босымъ влъкомъ,
И потече къ лꙋгꙋ Донца,
И полетѣ соколомъ подъ мьглами,
Избиваꙗ гꙋси и лебеди
Завтракꙋ и обѣдꙋ и ꙋжинѣ.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,
Тогда Влꙋръ влъкомъ потече
Трꙋсꙗ собою стꙋденꙋю росꙋ:
Претръгоста бо своꙗ бръзаꙗ комонꙗ.

Донецъ рече:
„Кнꙗже Игорю!
Не мало ти величіꙗ,
А Кончакꙋ нелюбіꙗ,
А Рꙋской земли весела!“

Игорь рече:
„О, Донче!
Не мало ти величіꙗ,

Крикнулъ — поле всколебалося,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
Съ ними вежи половецкія
Потряслися. Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
На коня стрѣлою кинулся,
Бо́сымъ волкомъ соскочилъ съ него,
Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедѐй съ гусями къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.

Игорь нёсся яснымъ соколомъ,
Влуръ бѣжалъ по полю чистому
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
По пути росу холодную:
Надорвалъ коня дорогою.

Говоритъ ему Донецъ-рѣка:
«Много, князь, тебѣ величія,
Кончаку-врагу нелюбія,
А землѣ родной веселія!»

Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
«О Донецъ! не мало доблести
И тебѣ, что князя Игоря

Лелѣѧвшꙋ Кнѧзѧ на влънахъ,
Стлавшꙋ емꙋ зелѣнꙋ травꙋ
На своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
Одѣвавшꙋ его теплыми мъглами,
Подъ сѣнію зеленꙋ древꙋ;

Стрежаше є гоголемъ на водѣ,
Чайцѧми на стрꙋѧхъ,
Чрьнѧдыми на ветрѣхъ.

„Не тако ли, рече,
Рѣка Стꙋгна хꙋдꙋ стрꙋю имѣѧ,
Пожръши ꙋжи рꙋчьи,
И стрꙋгы ростре на кꙋстꙋ?

„Уношꙋ Кнѧзю Ростиславꙋ
Затвори Днѣпрь темнѣ березѣ.

„Плачетсѧ мати Ростиславѧ
По ꙋноши Кнѧзи Ростиславѣ.

„Уныша цвѣты жалобою
И древо стꙋгою
Къ земли прѣклонило.“

А не сорокы втроскоташа:

На слѣдꙋ Игоревѣ
Ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

На волна̀хъ своихъ серебряныхъ
Ты лелѣялъ, устилаючи
Берега травой зелёною,
Одѣвая мглами тёплыми
Подъ нависшими деревьями.

«Ты стерёгъ его заботливо
На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
На струяхъ рѣчною чайкою,
Уткой-чернедью въ поднѐбесьѣ.
Нѣтъ, не такъ, вздымаясь вȯлнами,
Мчится Стугна мелководная!
Поглотивъ ручьи нагорные,
Она струги о кустарники
Раздробила, ненасытная,
И навѣки заградила путь
Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
Ростиславу [2]. И заплакала
Мать сѣдая Ростиславова
По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
«На лугахъ цвѣты душистые
«Осыпаются отъ жалости,
«А деревья, съ тихой грустію,
«Надъ землёю наклоняются.»

Не сорочье стрекотаніе
Раздаётся въ отдаленіи:
Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.

Тогда врани не граахуть,
Галици помлъкоша,
Сорокы не троскоташа,
Полозию ползоша только,
Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
Соловии веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
„Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
Соколича ростреляевѣ
Своими злачеными стрѣлами.“

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
„Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
А вѣ соколца
Опутаевѣ красною дѣвицею.“

И рече Гзакъ къ Кончакови:
„Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
Ни нама будетъ сокольца,
Ни нама красны дѣвице:

То почнутъ наю птици бити
Въ полѣ Половецкомъ.“

Стихло, вдроны не каркали,
Галки смолкли и съ сороками
По деревьямъ только прыгали;
Дятелъ путь къ рѣкѣ указывалъ;
Соловей весёлымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
«Если соколъ [3]) улетитъ въ гнѣздо,
Такъ стрѣлами золочёными
Соколёнка разстрѣляемъ мы.»

А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
«Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
Такъ красавицею-дѣвицей
Соколёнка мы опутаемъ.»

А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
«Если дѣвицей-красавицей
Соколёнка мы опутаемъ,
Не видать тогда намъ болѣе
Ни соколика, ни дѣвицы,
Нашей дѣвицы-красавицы —
И начнутъ насъ птицы хищныя
Бить средь поля половецкаго.»

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ОДИННАДЦАТОЙ.

[1]) Овлуръ или Влуръ, какъ называетъ его пѣвецъ Игоря, и Лаверъ или Лавръ, какъ называетъ его лѣтописецъ — есть имя половчанина, мать котораго была русская, предложившая Игорю свои услуги и помогшая ему бѣжать изъ половецкаго плѣна.

[2]) Ростиславъ Всеволодовичъ, сынъ великаго князя Всеволода I и Анны, дочери хана половецкаго, и братъ Владиміра Мономаха. Этотъ молодой князь, послѣ несчастнаго сраженія съ половцами (26-го мая 1093 года), спасаясь отъ плѣна, бросился въ рѣчку Стугну и, увлечённый тяжолымъ вооруженіемъ, утонулъ, не смотря на всѣ усилія Владиміра спасти его. Ростиславу было тогда всего 22 года.

[3]) Здѣсь ханы говорятъ о Игорѣ (соколѣ) и его сынѣ Владимірѣ (соколикѣ), который оставался въ плѣну, послѣ бѣгства Игоря, еще около году. Онъ возвратился на родину въ 1187 году, женившись на красавицѣ половецкой дочери хана Кончака, названной здѣсь *красною дѣвицей.*

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Здрави князи и дружина!

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля

Пѣстворца стараго времени Ярославля

Ольгова Коганя хоти:

„Тяжко ти головы, кромѣ плечю;

Зло ти тѣлу, кромѣ головы:

Руской земли безъ Игоря.“

Солнце свѣтится на небесѣ:

Игорь Князь въ Руской земли.

Дѣвици поютъ на Дунаи.

Вьются голоси
Чрезъ море до Кіева.

Вѣдь, сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ [1]),
Пѣснотворецъ временъ Ярослава,
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
Жить безъ плечь головѣ,
Тяжело богатырскому тѣлу
Безъ головушки жить!»
Такъ безъ Игоря быть
Землѣ Русской, родному удѣлу.

Солнце-свѣтъ въ небеси,
Игорь-князь на Руси.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы —
И летятъ голоса
Чрезъ моря и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

Игорь ѣдетъ по Боричевꙋ
Къ Свѧтѣи Богородици Пирогощеи.

Страны ради,
Гради весели,
Пѣвше пѣснь старымъ Кнѧземъ,

А потомъ молодымъ.

Пѣти слава Игорю Свѧтъславлича,

Бꙋй тꙋрꙋ Всеволодѣ,
Владимірꙋ Игоревичꙋ.

Здрави Кнѧзи и дрꙋжина,

Побараѧ за христьѧны на поганыѧ плъки!

Кнѧземъ слава,
А дрꙋжине аминь!

Игорь ѣдетъ домой —
Къ Пирогощѣ [2]) святой
По Боричеву [3]) путь направляетъ.
По дорогѣ народъ
Веселится, поётъ,
Своихъ старыхъ князей величаетъ,

А потомъ молодыхъ.
Такъ прославимъ же ихъ!
Слава Игорю, ихъ властелину!
Храбрецу, удальцу
Всеволоду-бойцу
И Владиміру, Игоря сыну!

Много здравствовать вамъ,
И князьямъ и войскамъ,
Поборавшимъ всегда и до нынѣ
За мирянъ-христіанъ
На полки басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДВѢНАДЦАТОЙ.

1) Судя по смыслу этого мѣста, Коганъ былъ пѣвецъ времёнъ Ярослава и, подобно Бояну, пользовался въ своё время извѣстностью. (Мнѣніе Полевого).

2) Такъ называлась церковь во имя Св. Богородицы *Пирогощей* въ Кіевѣ (заложенная Мстиславомъ Великимъ, въ 1131 году), по образу Богоматери, привезенному купцомъ Пирогощею изъ Цареграда. Нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился храмъ Пирогощей Богородицы, или около него, стоитъ церковь Андрея Первозваннаго.

3) Такъ назывался въ древнія времена одинъ изъ кіевскихъ спусковъ къ Днѣпру, гдѣ былъ перевозъ. Нынѣ близь этого спуска стоитъ Михайловскій *златоверхій* монастырь.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Складомъ повѣстей невзгодъ...

Этимъ сочинитель «Слова» хочетъ сказать, что онъ взялся описать своего героя въ томъ духѣ, или такъ, какъ излагались до него всѣ героическія (трудныя) повѣствованія — языкомъ, издавна для нихъ установленнымъ, по нашему — поэтическимъ, украшеннымъ. Отсюда можно заключить, что въ отдалённый отъ насъ вѣкъ игоревъ уже была народная литература и требовалось отъ сочиненія не одного достоинства мыслей, но вмѣстѣ и изящества отдѣлки по тогдашнимъ понятіямъ, и что уже существовали предѣлы между стилями, или аналогія идеи со звукомъ.

II.

По былинамъ нашихъ дней —
Не по замысламъ Бояна.

Элементъ баснословнаго вымысла (замышленія бояновъ), господствовавшій въ пѣсняхъ *стараго времени*, въ пѣсняхъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Романови*, съ развитіемъ жизни въ концѣ XII вѣка долженъ былъ уступить въ поэзіи мѣсто элементу исторической положительности (поэзіи по былинамъ сего времени). Кромѣ того, вымыслъ эпическій, столь тѣсно соединённый съ вымысломъ языческой миѳологіи, долженъ былъ исчезнуть въ русской книжной поэзіи скорѣе, нежели во всякой другой, и вслѣдствіе вліянія христіанства. Такимъ-образомъ, очень естественно, что пѣснь нашего эпическаго поэта XII вѣка началась, какъ онъ говоритъ, *по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.* (Туловъ.)

III.

.... носился *мыслью*-птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ.

Пѣвецъ Игоря, восторженный почитатель бояновыхъ пѣснопѣній, сравниваетъ ихъ вольное теченіе то съ бѣгомъ *сѣраго волка*, то съ ширяніемъ *сизаго орла* подъ облаками, то, наконецъ, съ пареніемъ *мысли* по дереву. Заимствуя первыя два сравненія изъ сказочнаго міра древней Руси, въ которомъ они играютъ такую важную роль (особенно

въ южно-русскихъ думахъ и пѣсняхъ), съ чѣмъ ещё могъ онъ сравнить дивныя созданія своего любимаго пѣснотворца — *соловья стараго времени*, какъ не съ мыслью человѣка, способною уноситься *выше тучь ходячихъ*, куда не залетали и сказочные герои древняго міра? Не смотря на тѣ, что мысль подлинника выражена ясно, нѣкоторые переводчики «Слова» находятъ въ этомъ поэтическомъ уподобленіи, одни — пропускъ, а другіе — описку въ словѣ *мысль*, и основываютъ свои догадки на томъ, что пѣвецъ Игоря, взявъ два сравненія изъ царства животныхъ, необходимо долженъ былъ заимствовать оттуда и третье уподобленіе. Такъ, напримѣръ, Левитскій и Де-ла-Рю, предполагая описку, замѣняютъ слово мысль, первый — *птицей*, а второй — *соловьемъ*. Что же касается — Вельтмана, то онъ, полагая послѣ слова мыслію — пропускъ, переводитъ это мѣсто такимъ образомъ: «Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго мысли текли въ вышину такъ, какъ соки по древу.» Эти догадки заслуживаютъ быть упомянутыми уже по одному тому, что нашъ великій Пушкинъ также предполагалъ здѣсь описку, и читалъ: вмѣсто *мыслію* — *мышію*.

Не смотря на вѣроятность этихъ догадокъ, основанныхъ на доказательствахъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ, онѣ опровергаются другимъ мѣстомъ текста «Слова», именно стихомъ: Скача славію по мысленꙋ древꙋ, въ которомъ та же мысль выражена яснѣе. Тамъ онъ растекается мыслію по дереву, а здѣсь онъ скачетъ соловьёмъ по мысленному древу. Сравнивъ оба мѣста, можно вывесть такое заключеніе, что *древо* у пѣвца Игоря означаетъ —

воображеніе, по вѣтвямъ котораго порхаетъ Боянъ — *соловей стараго времени.*

Такъ-какъ цѣль моего перевода есть возможно-близкое воспроизведеніе подлинника, то я и старался не вдаваться въ произвольное толкованіе текста «Слова» въ ущербъ вѣрности перевода, за исключеніемъ нѣсколькихъ совершенно-тёмныхъ мѣстъ, вѣроятно искажонныхъ переписчиками и потому лишонныхъ всякаго смысла.

IV.

А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебёдокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ.

Нѣкоторые изъ переводчиковъ и изслѣдователей «Слова о полку Игоря» переводятъ это мѣсто не буквально, какъ слѣдуетъ его понимать, а иносказательно; именно: полагаютъ, что въ древности былъ обычай пускать десять соколовъ на стадо лебедей. Одни утверждаютъ, что князья пускали своихъ соколовъ, а чей соколъ прежде долеталъ до лебедей, тому и пѣли хвалебную пѣснь; другіе же полагаютъ, что ихъ пускали пѣвцы — и чей соколъ долеталъ прежде до лебединаго стада, тотъ имѣлъ право воспѣвать князей; хотя въ подлинникѣ ничего не говорится объ этой забавѣ. Право, не стоитъ ломать головы, переставлять слова

и относить ихъ къ предыдущимъ или послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно-выраженной мысли дать желаемое значеніе! По моему мнѣнію — это фигура, или, лучше, поэтическое уподобленіе, какихъ весьма много въ «Словѣ» и которыя, несмотря на то̀, большею частію изслѣдователей переведены слово въ слово. Сочинитель здѣсь говоритъ объ одномъ Боянѣ, который, при воспоминаніи о прежнихъ междоусобіяхъ, пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, послѣ чего самъ объясняетъ свою аллегорію:

Не на стадо лебедѐй
Нашъ Боянъ, нашъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ:
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струна̀мъ
И онѣ ужь возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Быть-можетъ, скажутъ, что тутъ мысль не совсѣмъ ясно выражена! Но отчего же въ другихъ мѣстахъ «Слова» такія же точно фигуры и выраженныя такъ же точно — переведены буквально? Неужели уподобленіе *обиды* — фантастической дѣвѣ выражено яснѣе? или фраза: ꙗози носѧ имъ хоботы пашꙋтъ — болѣе походитъ на уподобленіе? Я перевёлъ это мѣсто буквально, потому-что, какъ уже сказалъ выше, мысль здѣсь ясна и не требуетъ комментарій.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

................мчась по слѣдамъ
Героя *Трояна*....

Пѣвецъ «Слова» четыре раза упоминаетъ о Троянѣ, именно: во второй пѣсни о *тропѣ* (дорогѣ) *трояновой*, въ четвертой и девятой — о *вѣкѣ трояновомъ*, и, наконецъ, въ шестой — о *землѣ трояновой*; но кого онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ: императора ли Трояна, какъ думаютъ одни, или Владиміра Святаго, какъ предполагаютъ другіе, или, наконецъ, мѣстечко Трояны (Смоленской губ.), какъ объясняютъ третьи, рѣшить трудно.

Тропа трояня въ буквальномъ переводѣ значитъ — дорога троянова (via Trajani). Хотя дорога эта, какъ извѣстно изъ исторіи и сульцеровой карты Валахіи, дѣйствительно шла отъ береговъ Дуная до рѣки Прута и далѣе на востокъ по южной Россіи и даже низовая сторона Дуная, отъ рѣки Прута, называлась: provincia Trajani, а остатки такъ называемаго троянова вала еще до сихъ поръ существуютъ въ Бессарабіи, — однако всё это ещё не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что пѣвецъ Игоря подъ словомъ Троянъ разумѣлъ римскаго императора. Основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полевого, что «Троянъ здѣсь не римскій императоръ,

а что-нибудь такое, чему надо искать объясненій на Руси: такъ Владиміръ Первый названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памятникѣ». Къ сожалѣнію Полевой не упомянулъ о названіи этого памятника.

II.

.... *сова* завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.

Въ подлинникѣ сказано: Дивъ кличетъ връхꙋ древа. Что такое должно разумѣть подъ словомъ *дивъ* — положительно сказать трудно, тѣмъ болѣе, что объясненія этого слова большей части его толкователей сбивчивы, разногласны, и почти всѣ ограничиваются однѣми догадками, часто ничего не доказывающими. Первые издатели «Слова» полагали, что *дивъ* значитъ — *пугало*, *слѣпо-воронъ*, или *ночной воронъ*, что весьма правдоподобно. Но покойный Максимовичъ опровергаетъ это мнѣніе, и называетъ дива — духомъ тьмы, основываясь на томъ, что воображеніе персіянъ населило свою преисподнюю духами того же имени. Еще мудренѣе переводятъ это слово новѣйшіе переводчики. Такъ, напримѣръ, г. Минаевъ, въ своёмъ стихотворномъ переложеніи «Слова», изданномъ имъ въ 1846 году, сдѣлалъ изъ дива — *лѣшаго*, «котораго біографію», по его словамъ, «волна исторіи такъ хорошо донесла до нашихъ временъ, затопя почти всѣхъ боговъ славянской миѳологіи».

Удачнѣе другихъ объясняетъ это слово докторъ Гай, изъ Загреба (Аграма). Онъ утверждаетъ, что дивъ есть зловѣщая птица, въ доказательство чего приводитъ то, что

почти у всѣхъ племёнъ западныхъ славянъ дивомъ называется — удодъ, крикъ котораго у дунайскихъ славянъ, подобно крику совы, или карканью ворона, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

III.

О, Русь! о, родная! ужь ты за *курганомъ!*

Бутковъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игоря, принимаетъ слово *шеломя* за Изюмскій курганъ (возлѣ котораго, какъ извѣстно, русскіе переправились черезъ Донецъ), что весьма правдоподобно. Пѣвецъ «Слова», какъ будто съ удивленіемъ, или ужасомъ говоритъ, что русская земля или русская сила за высокимъ курганомъ, далеко въ стеняхъ половецкихъ, у Дона, близь Лукоморья, и что ей остаётся только побѣдить или умереть.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Владиміръ *уши затыкалъ.*

То-есть — любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ. Гибельный обычай князей того времени дружиться съ иноплеменниками и призывать ихъ, во время междоусобныхъ войнъ, для грабежа и злодѣйствъ въ нѣдра государства,

всего болѣе обезславилъ князей черниговскихъ. Владиміръ Мономахъ гнушался этимъ; что и было главною причиной любви народной къ его племени.

II.

И привела на судъ свой слава
Бориса, сына Вячеслава,
И положила на ковёръ —
На бархатъ конскаго покрова —
За оскорбленье, за позоръ
Олега князя молодого.

Олегъ считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ, въ Черниговѣ, гдѣ, по волѣ дядей, долженъ былъ жить праздно, лишонный удѣла. Онъ хотѣлъ свободы и волости, бѣжалъ въ Тьмутаракань къ брату своему Роману Святославичу Красному, тамъ княжившему, и рѣшился вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастья оружіемъ. Нанявъ половцевъ, союзники вошли въ предѣлы черниговскіе. Сначала счастье имъ благопріятствовало: они разбили Всеволода и заставили его удалиться въ Кіевъ. Побѣдители вступили въ Черниговъ и думали, что всё государство должно будетъ признать ихъ власть. За этимъ послѣдовала битва нѣжатинская, стоившая жизни Борису Вячеславичу и рѣшившая участь его крамольнаго союзника. По этому — за обидѹ Олговѹ, могло значить: за обиду нанесенную дядями Олегу. Борисъ пострадалъ, какъ единомышленникъ Олега.

III.

И Святополкъ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ Софіевскаго храма.

«Ежели принять, что опечатка только въ словѣ — *я,* вмѣсто *ять* или *яти* (взять): то-есть Святополкъ повелѣлъ (Ярополку) взять тѣло, допустить, что *Каяла* здѣсь значитъ *половцы*, приведённые Олегомъ изъ Тьмутаракани къ Чернигову, то подъ словомъ *отца* можно разумѣть Изяслава I, великаго князя, убитаго въ сраженіи у села Нѣжатина — и тутъ будетъ историческая достовѣрность.» (Дубенскій.)

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

Возстаётъ *обида* кровная.

Г. Пожарскій полагаетъ, что *обида* уподоблена здѣсь языческой богинѣ Дѣванѣ или Діанѣ — божеству Тавровъ, древнихъ обитателей Крыма. По мнѣнію же г. Максимовича эта «*дѣва-обида* напоминаетъ литовскую *дѣву-чуму*, которая огневымъ платомъ навѣваетъ смерть заразы на землю». Оба эти предположенія ошибочны. Объясненія нѣ-

которыхъ загадочныхъ для насъ словъ, встрѣчающихся въ этой поэмѣ, должно скорѣе искать между племенами славянскими, а не въ Литвѣ или Тавридѣ. По этому мысль г. Дубенскаго, «что не лучше ли подразумѣть здѣсь *дьвъ судныхъ*, какъ въ судѣ Любуши» — гораздо правдоподобнѣе.

II.

.... изъ рога огне-мётнаго
Извергали пламя лютое.

«Это, кажется, поясняетъ огнестрѣльный снарядъ, которымъ въ томъ же году (1185, марта 1-го дня) дѣйствовалъ бесерменинъ, или хазарскій турка, живымъ огнёмъ стрѣлявшій. Кончакъ, ханъ половецкій, имѣлъ его при себѣ съ тѣмъ, какъ сказано въ «Кіевской Лѣтописи», *чтобы пожещи огнёмъ грады рускыя*.... Смагѹ мыкати въ пламѧнѣ ѹозѣ — не значитъ-ли: *огонь* или *дымъ кидать изъ наполненнаго пламенемъ рога?*» (Дубенскій.)

III.

Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло *полонника.*

То-есть — Кощіево, какъ сказано въ подлинникѣ. Кощеями же назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, козарскіе, литовскіе и другіе, что свидѣтельствуется лѣтописями. Слѣдовательно фраса: высѣдѣ изъ

сѣдла злата а въ сѣдло Кощієво — значитъ стать изъ князя плѣнникомъ, а не пересѣсть

«...............въ сѣдло
Простого оружника,
Чтобъ въ полѣ неузнаннымъ
Отдаться на жребій»,

какъ перевёлъ г. Минаевъ; и ужь конечно — не пересѣсть «изъ золотого сѣдла въ сѣдло изъ *дохлятины*», какъ ухитрился перевесть это мѣсто одинъ изъ позднѣйшихъ переводчиковъ «Слова».

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнёмъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба, семьёю
Его сыновей удалыхъ.

«Пламенный рогъ (смотри выше, пѣснь VI, примѣчаніе 3) не назывался ли шереширами, съ которыми здѣсь сравнены сыны Глѣбовы (князья рязанскіе)? Словами: живыми и посуху — не намекаетъ ли поэтъ на греческій огонь каллиниковъ, который употреблялся на водѣ? Въ такомъ смыслѣ будутъ шереширы огнестрѣльное оружіе, которымъ дѣйство-

вали на сухомъ пути, и можетъ-быть, *смаговницы* — родъ пищалей.» (Дубенскій.)

II.

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть.

«Галицкіе князья владѣли странами отъ горъ Карпатскихъ до устьевъ Серета и Прута; могло статься, что пѣвецъ Игоревъ стихотворно назвалъ ихъ, или пространство между ними по Дунаю, воротами.» (Дубенскій.)

III.

И, правя суды до Дуная,
Далёко простеръ свою власть.

«Ярославъ вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ боярами, думая, что дѣла гражданскія ещё важнѣе воинскихъ для государя... Союзникъ греческаго императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему россіяне прозвали его Осьмомысломъ.» («Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, изд. VI, т. III, стр. 75.)

IV.

Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далёкой землѣ.

По мнѣнію г. Дубенскаго, пѣвецъ Игоревъ могъ здѣсь разумѣть походъ Фридриха Барбаруссы на героя востока, *султана* Саладина, приготовленіями къ которому онъ былъ занятъ около 1185 года. Галичане, вмѣстѣ съ венгерцами, могли принять участіе въ походѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, были вызываемы на святое дѣло сильнымъ сосѣдомъ. Это предположеніе весьма правдоподобно, тѣмъ болѣе, что сочинитель «Слова» прибавляетъ: за землями, какъ бы за дальними — за Венгріею, за Греціею.

V.

.........*латинскіе шлемы*....

Латинами назывались у насъ поляки, венгерцы, чехи, рижскіе нѣмцы и другіе сосѣдніе народы, исповѣдывавшіе *вѣру латинскую*.

VI.

О Ингварь и Всеволодъ буйный!
И вмѣстѣ *три* брата лихихъ
Мстиславича....

Здѣсь идётъ рѣчь о трёхъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго (бывшаго великимъ княземъ кіевскимъ прежде Свя-

тослава): Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ только два первые названы по имени, потому-что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше (смотри пѣснь VIII, примѣчаніе 8). Мстиславичами называетъ ихъ сочинитель «Слова» по дѣду ихъ Мстиславу II, или по прадѣду Мстиславу Великому, старшему сыну Мономаха.

VII.

.... *шестокрыльцы*
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ.

Сравнивши младшій домъ Мстиславовъ съ гнѣздомъ, котораго представителями въ вѣкъ Игоревъ были — Ингварь, Всеволодъ и Мстиславъ, авторъ полагалъ, что у трёхъ этихъ птенцовъ, потомковъ Мстислава Великаго, тогда будетъ шесть крылъ. (Мнѣніе Карамзина.)

VIII.

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти...

Ростиславичи — старшая линія дома Мстиславова, и Мстиславичи — младшая, съ согласія великихъ князей, получили въ удѣлъ заднѣпровскія области, изъ коихъ за Ростиславичами осталась Кіевская область (имъ же принадлежалъ и Смоленскъ), а Мстиславичи получили Луцкъ и Владиміръ на Волыни (имъ же достался въ это время и Галичь). Пѣвецъ Игоревъ именно этимъ хотѣлъ сказать,

что Мстиславичи стали князьями своихъ волостей, какъ законные наслѣдники, а не какъ завоеватели.

IX.

Свои ворота оградите
Стрѣлами отъ вражьихъ племёнъ.

Переяславская область, прилегая съ юго-запада, между устьями Десны и Псёла, къ Днѣпру, граничила съ этой стороны съ заднѣпровскими областями, гдѣ княжили въ то время потомки Мстислава Великаго: Мстиславичи и Ростиславичи. Основываясь на этомъ изысканіи, г. Дубенскій полагаетъ, что не устья ли этихъ двухъ рѣкъ со стороны Кіевской области называетъ пѣвецъ Игоря воротами въ Переяславскую волость, моля Мстиславичей загородить ихъ острыми стрѣлами.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

Ужъ къ Переяславлю городу рѣчка Сула серебристыхъ
Струй не катитъ....

Здѣсь сочинитель говоритъ, что Сула не принадлежитъ болѣе къ Переяславской области, гдѣ княжилъ Владиміръ

Глѣбовичъ, отразившій половцевъ отъ Переяславля, при чёмъ былъ раненъ и не могъ подать помощи жителямъ города Римъ (Роменъ), къ стѣнамъ котораго течётъ Сула.

II.

. . . .

нынѣ
Стяги его, доставшися Рюрику съ братомъ
Давыдомъ,
Словно волы, запряжённые въ плугъ, подъ ярмомъ ненавистнымъ
Никнутъ . . . .

Роси носѧ имъ хоботы пашꙋтъ, какъ сказано въ подлинникѣ, есть одно изъ самыхъ тёмныхъ мѣстъ въ поэмѣ, вѣроятно искажонное переписчиками. Напрасно учоные изслѣдователи «Слова» ломали голову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, силясь разъяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы! тайна осталась тайною, хотя переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ переводовъ:

ПЕРЕВОДЪ ШИШКОВА.

Знамёна Владиміровы достались Рюрику и Давыду, которые, *носи ихъ на рогахъ, землю вспахиваютъ.*

ПЕРЕВОДЪ ПОЖАРСКАГО.

Сего же, нынѣ стали знамена Рюриковы, а другія Давыдовы; но сіи, *сдѣлавшись могущими, въ сапогахъ землю пашутъ.*

ПЕРЕВОДЪ ГРАММАТИНА.

Нынѣ знамена его стали одни Рюриковы, а другіе Давидовы; но *враги ихъ, впряжонные въ плугъ, вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ.*

ПЕРЕВОДЪ МАКСИМОВИЧА.

Знамена его уже стали Рюриковы, другіе — Давыдовы, *но рога нося имъ пашутъ хвосты.*

ПЕРЕВОДЪ ДУБЕНСКАГО.

Знамена его достались одни Рюрику, а другіе Давиду; но *когда и они носятъ трубы, то знамена развѣваются.*

ПЕРЕВОДЪ БИЦЫНА.

А нынче его знамёна — одни князь-Рюриковы, а другія — Давидовы, и ужь *врозницу развѣваются ихъ лохмотья.*

Будучи недоволенъ всѣми этими переводами, ещё болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

опасаясь дать волю своей фантазіи, чтобы не зайти ещё далѣе, я рѣшился отказаться отъ удовольствія пояснить это мѣсто по своему, въ надеждѣ найти хотя сколько нибудь удовлетворительное истолкованіе помянутаго мѣста въ одномъ изъ стихотворныхъ переложеній «Слова», блистающихъ яркими красками фантазіи. И не ошибся. Перебравъ бывшія у меня подъ рукой изданія, я остановился на переводѣ г. Минаева, который и помогъ мнѣ уяснить себѣ это тёмное мѣсто подлинника.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ity Libraries
1 767 032

